

ДАРЬЯ БЕЛОВА

НЕЗНАКОМКА

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

НЕЗНАКОМЕЦ

Дарья Белова
Незнакомка. Незнакомец

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69331777

SelfPub; 2023

Аннотация

Три встречи, и каждая приносит что-то новое для героев. Смогут ли они справиться с трудностями? Готовы ли к тому, что их жизнь больше не будет прежней? И стоит ли вообще рискнуть Незнакомке и Незнакомцу? Узнаете, прочитав книгу.

Содержание

Часть 1	4
Глава 2. Он	9
Глава 3. Она	18
Глава 4. Она	23
Глава 5. Она	28
Глава 6. Она	34
Глава 7. Она	39
Глава 8. Он	47
Глава 9. Она	52
Глава 10. Она	59
Глава 11. Она	72
Глава 12. Она	87
Глава 13. Она	95
Глава 14. Она	102
Часть 2.	107
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Дарья Белова

Незнакомка. Незнакомец

Часть 1

Глава 1. Она

Снежные хлопья летят на лобовое стекло, дворники работают на максимуме, но стекло все равно замедляет. Видимость стремится к нулю. До ближайшего пункта назначения еще каких-то двадцать километров. Глаза слипаются, усталость жуткая.

Я проехала больше трехсот километров только для того, чтобы показать и рассказать этому сукину сыну все, что я о нем думаю. Не сейчас. Чуть позже. Когда он будет признаваться в любви своей новоявленной жене.

– Наталья Геннадьевна, я посмотрю все Ваши правки, когда смогу нормально взглянуть на текст. За рулем уже который час. Дорога жуть. Вы простите великодушно, но не смогу одним глазом проверять и переписывать текст, а другим следить за дорогой. – На громкой связи мой редактор. Женщина не плохая, но уж больно дотошная и скрупулезная.

– Заяц мой, ты уж постарайся поскорее посмотреть. Да, и прекращай так много болтать. Язык устанет.

Сбрасываю звонок и вздыхаю. Стоило брать несколько дней за свой счет, чтобы меня доставали в пути, да и вообще звонили по рабочим вопросам. Согласитесь?

Учитывая, что в такую погоду мобильный интернет работает с перебоями, я смогла переговорить по многим рабочим моментам, ответить на вопросы и, дай мне силы, провести интервью с одним блогером, количество его подписчиков в месяц возросло с пятидесяти тысяч до полутора миллиона без накруток, как он утверждает. Точнее, она. Тот, кого принято сейчас называть трендсеттером. Мода, стиль и прочее. Без них мероприятие – не мероприятие вовсе, а тухлая вечеринка, а новый ресторан – дешевая забегаловка, если в аккаунте не размещено фото с отмеченным геотегом.

Дорога ведет прямо. Уставший навигатор то и дело завибрирует в самый нужный момент. Уже прокляла свою идею. Меня останавливает только мысль, что я все свои дела довожу до конца. И в этом не остановлюсь.

Неизвестный мне город N. Дороги заметены до такого состояния, что машину заносит на каждом повороте. Мне становится страшно, что не смогу доехать даже до ближайшей гостиницы. Верно говорят, жизнь за границей Московской области особенная. Теперь в этом убедилась. Хотя в такой снегопад уборщики даже в столице вряд ли выбрались из своего укрытия. Так бы и сидели жители города в своих квартирах, чтобы наутро самостоятельно откапывать транспорт, ну и дорогу на магистраль соответственно.

У дальней гостиницы не все буквы мигают, но я знаю, что это она. Старенькое здание, еще советских времен, но выбора у меня нет. Придется остановиться в ней. До моего конечного пункта я недоеду, пока коммунальщики не очистят дороги и трассу. Провести два дня в заметенной машине мне не хочется.

Паркуюсь криво. Сейчас это неважно. Главное добраться уже до кровати и рухнуть, чтобы забыться. Снова.

Выхожу из машины и печально оглядываю свою Ауди. Красненькую я взяла в кредит. Красивая, новенькая. Стоит теперь криво, а снег падает на нее и топит.

Через сугробы пробираюсь к входной двери. С усердием открываю старую дверь. Мне кажется, она тоже родом из прошлого века. Если приглядеться, что можно увидеть приветы из того столетия.

Небольшой чемодан несу в руках. Дороги нет. Только небольшая тропинка, которая с каждой минутой тоже утопает в снегу.

На стойке никого. Вижу только древний колокольчик. Звоню, в надежде, что меня кто-то услышит. Что вообще кто-то здесь есть.

Женщина лет пятидесяти: сонные глаза, тушь отпечаталась на нижнем веке, а помада стерлась, потому что губы шелушатся.

– Вам чего, девушка? – глаза потирает, мечтает избавиться от меня и уйти в свою каморку.

– Мне бы номер, свободный. На два дня. – Маленькую сумку кладу на стойку, громко так, чтобы понимала, что отказа не приму.

– Ой, что ж Вам в такую погоду дома не сидится...

Паспорт, вопросы и заветный ключик в руках с номером “6”.

– Вам на второй этаж, девушка! – слышу я голос моего администратора, стоило мне свернуть налево на первом этаже.

Что ж, поднимаюсь по старой лестнице, чемодан со мной. Дверь поддается не сразу, пришлось повозиться с ключом, даже думала спускаться за помощью. Но стоило мне слегка постучать и подергать за ручку, дверь открылась.

Номер маленький, но чистый. Все, что мне нужно после долгого дня. Душ – есть, туалет, слава Богу, тоже. Кровать вроде не скрипит. Она мягкая, а белье чистое.

Вещи раскидываю быстро. Только чтобы достать нужную мне ночную сорочку. Также быстро принимаю душ. Здесь даже есть одноразовые средства гигиены. Шампунь приятно пахнет, а гель для душа пенится. И главное – горячая вода. Мой великий страх, если в номере не будет горячей воды.

В косметичке нахожу уже спасительные таблетки снотворного, легкого. Последний месяц засыпаю только с ним. Мысли, которые крутятся в голове и не дают уснуть. Они заставляют вертеться из стороны в стороны. А потом воспоминания нашей с *ним* жизни. Такой счастливой, но, как оказалось, важной только для меня. Мне было хорошо тогда, спокойно.

Я планировала семью, о которой всегда мечтала. А потом настал конец. И мечты рухнули. Я потираю безымянный палец, на котором раньше красовалось красивое кольцо, и с этими действиями я обычно начинала плакать.

Маленькую таблетку погружаю в рот и запиваю большим количеством воды. Постель уютная. Закрываю глаза. Через несколько минут мои мысли отойдут на второй план. Спокойствие и умиротворение будут царить внутри. И я усну.

Мне снится всякий бред. По жизни. Бессвязные и глупые сны. Ничего общего с моей жизнью. Хотя нет, если присмотреться и вдуматься, они и есть отражение моей жизни.

Во сне меня глядят чьи-то тёплые руки. Медленно так, огибая все тело. Хочется мурлыкать и улыбаться. Дыхание у шеи немного обжигает, но это даже нравится. Этот кто-то целует жилку, что бьется. Часто так, дублируя ритм раненого сердца.

А потом я решаюсь открыть глаза. Они слипаются жутко, но мне хочется вынырнуть из сна. Странное желание, когда сон этот приносит удовольствие.

Все движения знакомые, руки кажутся знакомыми, но этого же не может быть. *Ego* не может быть рядом. Это решающее, почему я решила через силу разлепить глаза.

– Ааа! Вы что здесь делаете?

– Я в своем номере. А тут меня уже ждут. Не думал, что в этой дыре такой сервис.

Глава 2. Он

Дороги – жуть. Видимость практически нулевая. Черт дернул меня ехать именно сегодня, именно в эту погоду. А зная, куда я еду, уже со стопроцентной уверенностью говорю, что раньше, чем через пару дней, выбраться из этого тухлого городишка не представится возможным. Последний раз такой снегопад был именно в тот день, когда я уезжал отсюда. словно и не было этих лет.

За спиной у меня был небольшой рюкзак. Там все только самое необходимое. Во время учебы в Бауманке еще заезжал иногда сюда, но со временем понял, что только мешаю матери с отчимом наслаждаться своей семьей. И с каждым месяцем я появлялся здесь все реже и реже. Тем более в столице у меня была уже своя жизнь, друзья, которые за мной и перебрались из этого города. Здесь меня уже ничего не держало. Оно настигло меня позже, в столице.

Ну и ключевым моментом было, когда после всего, что я натворил, мама заявила, что ей надо подумать, стоит ли ей общаться с таким сыном, как я.

И я бы не приехал сегодня сюда. Только данное обещание, о котором уже пожалел, останавливает от того, чтобы все-таки развернуться и уехать обратно к своей привычной жизни. С того момента, как я переехал черту этого города до этой самой минуты, когда снова еду по этим улицам, очень мно-

го событий произошло. И кто бы достоверно знал, зачем я приперся сюда еще и раньше назначенного.

На квартиру к матери, конечно же, не сунусь. Еду в гостиницу, она тут одна. Старенькая такая.

Помню, как в одиннадцатом классе мы с парнями собирались на заднем дворе здания. Там у нас было что-то вроде точки сбора. Вокруг гостиницы забор. Был. И нас не могли видеть с дороги. Хорошее место для таких личностей, как мы.

Да, сейчас забор снесен, вместо него ничего нет, либо снег настолько заporошил, что и не разобрать ничего.

Я не один решил проехаться в такую погоду. Криво припаркованная красная Ауди. Номера московские. Неужели кто-то еще ехал более трехсот километров из столицы в эту глушь?

Свою машину ставлю рядом. Выхожу и потягиваюсь, мышцы все затекли и хочется их размять. Снег все падает. Настоящая вьюга.

В руки беру небольшой чемодан. Специально купил для этой поездки. И захожу в холл. Внутри практически ничего не изменилось, серая плитка в крапинку, уже затертая в некоторых местах, крашенные в жуткий цвет стены и деревянная стойка регистрации. Цветы, пальмы, я полагаю. Все как в советских фильмах. Даже смешно. На дворе двадцать первый век, а мы еще там, в другой эпохе.

За ресепшеном незнакомая мне женщина. Это хорошо.

Знакомых встречать ой как не хочется.

Протягивает мне ключ с номером “6”. Ухмыляюсь. Это очень смешно. Из всех возможных достался именно этот. А тетка эта даже бровью не повела. Номер как номер.

– А другого нет?

– Этот чем не угодил? Выискался! Выбирать он будет, – клиентоориентированность самого высокого левела. Да, в этом месте совок еще жив. В городе не изменилось ни-че-го.

Поднимаюсь на второй этаж. Желание – упасть и уснуть. Глаза режет. Сначала весь день проторчал за мониторами, потом несколько часов в пути. Будто насыпали песок и то и дело добавляют новую порцию. Растираю их.

Дверь в номер оказалась открыта, даже ключ не понадобился. Ну а дальше я такого не ожидал. В комнате бардак. Словно предыдущие жильцы собирались в спешке. Стоило бы спуститься и выяснить, чем занималась горничная все это время.

Но плюю на это. Конфликтов не хочу. А без них точно не обойдется. В ванной тоже не убрано, не удосужились даже убрать одноразовые пакетики с шампунем. Так и валяются на раковине. Что за люди? Но радуется, что в этом совке знают про одноразовые средства гигиены. На полке вижу несколько неиспользованных штук.

Быстро принимаю душ и вытираюсь слегка влажным полотенцем. Покажи и расскажи мне это сегодня утром, не поверил. Но сейчас мне так пофигу, что использую то, что здесь

есть. Устал адски.

В кровать просто плюхаюсь. Здесь пахнет вкусно, будто в белье добавили ароматизатор. Что-то новогоднее, сладкое.

Поворачиваюсь набок. И тут понимаю, что я не один. Бардак, душ – это все от него. Или от нее.

Свет от фонаря падает на эту часть кровати. Немного освещает и показывает очертания. Точно, это *она*. Плавные изгибы тела. И запах новогодней елки и конфет исходил от *нее*, а не от белья. Волосы собраны в косу, небрежно так, что пряди выбиваются из этой несложной конструкции. Цвет русский. Обычный.

Интересно, какая она? Двигаюсь ближе, немного наклоняюсь. Рукой прохожусь вдоль тела. Носом утыкаюсь в шею.

– И правда, елка, – шепчу я себе под нос. Она и есть мой новогодний подарок.

Кожа бархатная, хочется касаться.

– Ааа! Вы что здесь делаете? – оглушает. Противно так.

– Я в своем номере. А тут меня уже ждут. Не думал, что в этой дыре такой сервис.

– Убирайтесь! – ныряет под одеяло. Видны одни глаза. Большие такие, серо-зеленые, кошачьи. Только обычные. Ни тебе глубины неба, ни сочной зелени. Все опять же просто и пресно.

– Интересно. Я у себя в номере. – Включаю ночник на прикроватной тумбе и разваливаюсь на кровати. Сон и усталость как рукой сняло. Незнакомка щурится от яркого осве-

щения. И оглядывается. Вижу, что выдержнул ее из сна, и она никак не может адекватно соотносить.

– Это мой номер. А вы вломились, шуметь начали. Уходите!

Вот черт, это она так от испуга? Или в принципе заикается?

Приходится встать. Натягиваю штаны, которые еще несколько минут назад снял.

Она наблюдает, но так полностью и не высунувшись из-под одеяла. Безумно хочу рассмотреть ее всю. Вот только прячется от меня. Незнакомка эта.

– Идем!

– К-к, – делает вдох. Заикается. Не показалось. – К-куда?

– Вниз. Выяснить, кто в каком номере должен остановиться. Черте-те что! Гостиница пустует. А спать надо, делаясь постелью.

Незнакомка осматривает номер. Глаза бегают из угла в угол. Но так осторожно, с опаской. Она ищет одежду. Получается, тоже так устала, что закинула ее и завалилась в постель.

– Отвернитесь! – Голос прорезывается. Уверенно уже звучит.

Нехотя поворачиваюсь к ней спиной, с сожалением. Хочется резко так развернуться, застать врасплох. Останавливает только то, что снова могу напугать. Не понравилась мне

ее реакция на это. Поэтому стою, как солдат: руки по швам, взгляд прямо, не уклоняется ни на градус.

– Все, – подходит ближе. И теперь я могу ее рассмотреть.

Типичный домашний спортивный костюм, велюровый. Конечно же, розовый. Улыбаюсь. Фигурка классная. Да и сама она высокая. Но это один плюс. А так она обычная. Как и волосы, и глаза. Не цепляет.

– Идемте! Только вещи свои прихватите.

– Почему это?

– Чтобы сразу отправиться в свой номер и не шастать по чужим. Я, между прочим, проехала сотни километров, устала, а тут вы со своими приставаниями. Я испугалась! И вообще... – Договорить она не успела. Просто прижал палец к губам.

Подхожу ближе к этому сладкому сюрпризу. Она сразу сжимается. Будь незнакомка ежиком, то увидел бы клубочек с иголками перед собой.

– Отойдите! – дышит странно. Ей страшно. Я что так ужасно выгляжу?

За стойкой никого нет. Не удивительно. В такое время положено уже спать. К тому же в такую погоду, я думаю, мы единственные гости здесь.

Звоню в этот противный колокольчик. Сам же и морщусь от этой трели. Девчонка сторонится меня, близко не подходит. Но изучает. Что-то ведь надумала уже обо мне.

Женщина приходит та же, что и выдала мне ключ. Улыбки

ноль, глаза гневные. Зевает.

– Вам не спится? Ну так примите таблеточку. Другим только мешаете. Мне еще завтра с утра внука в поликлинику вести. А тут вы, москвичи...

Ну вот еще одна трещотка. Хватаюсь за голову. От постоянной болтовни начинает болеть голова. Одна о чем-то болтает, у другой нескончаемый поток претензий.

– У нас путаница. С номерами.

– Господи! Ну какая еще путаница?

– У вас два номера "6"?

– Вы с дуба рухнули?

– Вот, – протягиваю ей два ключа. Незнакомки и мой, – та стоит за моей спиной и поглядывает на стойку, куда положил эти самые ключи.

– И что вам непонятного?

Вздыхаю.

– Мы вдвоем оказались в одном номере. Если у вас только один номер под цифрой "6", значит, кто-то из нас заселился в чужой номер.

– Это чей ключ? – указывает она на правый, знакомки.

– Мой, – тихо так говорит.

– У вас "9".

– Как?

– Точку видите?

Незнакомка вглядывается в деревянный бочонок. Там черным фломастером и правда стоит маленькая, почти стер-

тая, точка. В принципе, ошибиться можно.

– А другой номер нельзя было дать? Почему такой сложный номер? У вас нет комнаты “15”? Или “30? Только два номера здесь? “6” и “9”? – незнакомка начинает злиться. Я стою и улыбаюсь, понимая, что я-то не ошибся. Поэтому сейчас зайду к себе в номер и лягу уже спать. – Почему вы мне дали вообще такой странный номер?

– Что, не нравится? – вмешиваюсь я в ее долгую претензию.

– Да как он может нравится?

– А мне нравится комбинация “69”, но если девушка не коротышка. А то неудобно. Я то высокий, – смотрю в упор и улыбаюсь.

Незнакомка сначала не понимает, взгляд бежит по полу вдоль серой плитки, а потом поднимает взгляд, глаза расширяются, и она покрывается румянцем. Новогодний сюрприз стал довольно милым.

– Иди к черту!

– Нет, я лучше пойду в номер “6”.

Не хочу больше ничего слушать: ни споры, ни претензии, ни жалобы на свою жизнь. Прихватываю теперь уже точно свой ключ и поднимаюсь по лестнице. Девчонка за мной. Иду быстро, незнакомка еле поспевает.

– Подожди! Слушай, а давай ты сегодня переночуешь в моем номере, а?

– Зачем? Я хочу у себя.

– Мне вещи надо собирать.

– Так собирай!

– Не хочу! Я спать хочу!

– Я тоже. А там твои шмотки, разбросанные! Кстати, сложно сразу за собой убирать?

– Ты меня еще поучи, как и когда я должна складывать свои вещи.

– В моем номере! Так что... давай, собирайся и иди уже.

– Ну одна ночь! Чего тебе стоит, а?

Ругаюсь. Не люблю это делать, но тут уже не удержался.

Почему и правда из всех номеров эта регистратор выбрала два зеркальных номера? Закон подлости, не иначе.

– Одна! И утром, чтобы тебя там не было.

Улыбается. Зубки ровные и белые. Немного хищная улыбка, словно задумала пакость.

Она убегает, крикнув только спасибо, и закрывается в моем номере.

Захожу в комнату напротив и просто падаю на кровать, закрываю глаза и проваливаюсь в сон.

Глава 3. Она

Захлопываю за собой дверь, опираюсь на нее и прикрываю глаза. Что это было? Руки слегка потряхивает от страха. Последний раз мне так было страшно несколько лет назад.

Была зима, и шел снег, прямо как сегодня. Гололед на дорогах. И мне бы посмотреть по сторонам перед тем, как переходить дорогу. Но шла я уверенно. Машина выскочила из ниоткуда, словно призрак. Но испугалась не ее. Тот человек на остановке, взрослый мужчина, как мне тогда показалось, схватил меня со спины и потянул на себя. Это сработало как триггер. И страх окутал меня. Машина проехала быстро. Наверное, она бы не успела затормозить, и я бы попала под колеса. Кто знает, как бы все закончилось и что со мной было бы. Но напугал меня именно тот мужчина. После этого случая мое заикание снова дало о себе знать. Я ведь долго с ним работала. Психологи, логопеды, мама со мной дома занималась каждый вечер. Позже ходила специально на разные курсы, помню, даже на актерское мастерство. Я боролась с этим. Один из этапов было как раз поступление на факультет журналистики. Ведь настоящий журналист должен говорить уверенно, быстро, грамотно. И я смогла. Но иногда в такие моменты, когда страшно, снова могу заикаться.

В школе, конечно же, дразнили. “Заика” – так меня называл весь класс. Дети, порою, бывают очень жестоки. Я при-

ходила после школы, долго плакала, находясь у себя в комнате. Прикрывшись подушкой, чтобы мама и папа не слышали. Но в один день мама все поняла. Ходила к классному руководителю, директору, но те только пожимали плечами и разводили руками, мол, это дети, что же мы можем сделать? Меня перевели в другую школу. А я поняла, что нельзя сидеть сложа руки, пока очередной одноклассник не начнет меня дразнить и обижать.

Работала усердно. Не было такого предмета, который бы отнимал столько времени, как работа со своим телом, своими воспоминаниями и своим языком. Да, и им тоже.

Мне было около семи лет, когда мы с папой попали в пробку. Ну, это сейчас ее можно было так назвать. А на деле был перегорожен проезд. Что-то произошло. То ли ограбление, то ли просто нападение на магазин. Те люди выбежали из здания и побежали в сторону. Туда, где и стояли все машины и ждали, пока ограждение снимут. Все любопытные вышли из машин и наблюдали за действиями милиции. И я в том числе. Один из грабителей схватил меня со спины. И я поняла, что значит по-настоящему бояться. Это не когда ты учишься плавать, цепляешься за воду и учишься грести руками. Не в коридоре у врача, когда слышишь сверление бормашины. Это другое. Ты не можешь говорить, ты даже не можешь дышать. С тех пор как только кто-то пытается подойти или вообще схватить меня со спины, я реагирую заиканием.

Тот незнакомец в кровати обнимал меня со спины. И тело среагировало. Я даже не успела допустить какую-то мысль, как начала заикаться. Первый раз за столько лет мне стало стыдно и неудобно от моей такой особенности.

Только вот опасности я от него не чувствовала. Наоборот. Он симпатичный. Не красавец, но что-то в нем есть. Хмурится смешно. И милый. Да, пожалуй, он милый.

Шутки его эти. Будь я в другом месте и в другой обстановке, посмеялась.

Укладываюсь обратно в кровать. Она уже не теплая. Поворачиваюсь набок. Еще одну таблетку снотворного пить не хочется. Может, успокоительное?

Противный писк телефона. Так приходят смс. Или просто сообщения. Но звук не мой. То есть телефон не мой. Мой лежит на тумбочке у изголовья. Знаю, так делать нельзя, это вредно для здоровья, но ничего поделать не могу – привычка. Плохая и злостная.

Еще одно пикиканье. Оно раздается с другого телефона, который лежит на совсем другой тумбочке. Это того незнакомца.

Откидываю одеяло и тянусь за ним. На заставке что-то абстрактное. Ну хоть не собачка. Никогда не понимала людей, которые на заставку ставят животных.

Еще одно сообщение. Там не текст, а фотография. Безумно любопытно, что же ему шлют. А главное, кто. Не понимаю, зачем мне эта информация. Пытаюсь открыть. И конеч-

но же, не выходит. Просит пароль. Обидно.

Встаю с кровати и плетусь к нему в номер. Стучу громко так. Специально.

Но незнакомец не спешит открывать дверь.

– Эй? – стучу ногой. И где, спрашивается, мое воспитание? – Открывай! Тебе тут напisyвают. Некая Светлана.

Отправитель действительно Светлана. Но не уверена, что это ее реальное имя. Значилась как Светка-конфетка. Да, еще не понимаю тех, кто записывает людей такими прозвищами.

Дверь открывается резко. Успеваю вздрогнуть. На нем только боксеры. И взгляд, конечно же, устремляется вниз. Что ж, незнакомец достаточное количество времени проводит в спортзале. Высокий, милый, спортивный.

– Что? – грубо спрашивает. Его нисколько не смущает, что посторонний человек его рассматривает.

– У тебя... вот... Света-конфета.

Забирает телефон и почему-то долго на него смотрит, не пытается разблокировать и открыть сообщение, что же такого интересного ему отправила эта девушка. Делаю вывод – это не его девушка.

– И не посмотришь, что прислали?

Тяжелый взгляд пригвождает меня к полу.

– Наверное, что-то эротичное. В такой-то час, – мне бы помолчать, но не могу. Никогда не могла. Когда часто заикалась, тогда да. Молчала, только с родителями позволяла се-

бе разговаривать. Не простыми предложениями, а действительно болтать. И чем чаще я это делала, тем легче мне становилось. Поэтому молчание – не мое.

– Тебе говорили, что ты очень много разговариваешь? – глаза темные, нехорошие.

– Говорили.

– Вот и иди... спать.

Разворачиваюсь, чтобы открыть свою дверь. Делаю шаг. Затем второй. Незнакомец наблюдает за мной. Взгляд ощущимый, я чувствую. Он изучает меня, как хищник изучает свою жертву. Странная аналогия, но именно так сейчас чувствую.

– Правда не посмотришь? – инстинктом самосохранения я, очевидно, обделена.

– Господи, за что ты мне, а? Вот что я сделал не так? Мне казалось, все грехи уже искупил. Но появляешься ты... – он разводит руки в сторону. – Иди спать, очень тебя прошу!

Закрывает дверь у самого носа. Я сделала снова два шага, но ему навстречу. Так глупо теперь себя чувствую. И как такой милый парень может быть таким невоспитанным и грубым хамом?

Устало вздыхаю и бреду в свой номер. То есть его. Ложусь обратно. Но уже не на свою подушку, а на ту, где лежал он. Она пахнет шампунем и немного пряностями.

Глава 4. Она

Просыпаюсь от стука в дверь. Стучат настойчиво, громко. Как наковальня. Морщусь и переворачиваюсь на другой бок. Открывать даже не думаю.

Мой гость не торопится уходить. Начинает стучать еще громче. Спешит куда-то или просто нервный?

– Да кто ж там такой нетерпеливый, а?

Лениво поднимаюсь, потягиваюсь, зеваю. Утро раннее. По-хорошему еще спать и спать.

Открываю. Мой незнакомец стоит недовольный. На голове бардак, но такой уютный, глаза грозные, мечет в меня этими самыми молниями. А они у него как раз как грозное небо.

– У меня, то есть у тебя, нет горячей воды, – отодвигает меня в сторону, что я не успела и слова сказать, и проходит в комнату. Уверенно, по-хозяйски, заходит в ванную и закрывается.

Слышу, как включается вода. Стою в полном шоке. Сон прошел, будто и не было вовсе. Сейчас даже не смущает, что дверь-то я открыла лишь в одной сорочке. Неприлично короткой и открытой. Я покупала ее для своей первой брачной ночи. Отдала половину зарплаты за этот шелк и кружево. Только мне и придется теперь им любоваться. Такую красоту не заметил даже мой незнакомец. Ему вообще до меня

нет дела. Немного обидно. Не то, чтобы я хочу от него внимания. Но пару комплиментов бы приняла. Фигура у меня хорошая. Что я зря по пять дней в неделю торчу в спортзале с Васькой? Василиса – моя подруга. Близкая и единственная.

Интересно, кто же он такой?

Измеряю комнату шагами. Я успела накинуть халат, который оставила лежать на кресле, как знала, что понадобится, несколько раз присаживалась на кровать, даже ложилась в попытке еще подремать. Монотонный стук струй воды о стекло душевой кабины не действует успокаивающе. Скорее наоборот. Нервирует. Психую на пустом месте.

Хочется уже в туалет. Эта постоянно льющаяся вода дает о себе знать.

Стучу теперь ему в дверь. Но, как и ожидала, ноль реакции.

– Эй, тебя там смыло? Мне, вообще-то, тоже туда надо. – Стучусь еще громче. – Черт! – скрещиваю ноги. Терплю из последних сил.

Незнакомец выходит из душа спустя полчаса. Я уже конкретно так взвинчена. Давно меня никто не выводил из равновесия. Он в одном полотенце, замотавшись им вокруг бедер. Насвистывает мелодию, улыбается. Сразу видно, вода смыла его плохое настроение и сон. У меня же наоборот.

Взгляд опускается на белое полотенце. Понимаю, что в ванной оно было одно. Значит, он взял мое и пользовался им. Мне же нечем вытираться. Рычу.

– Что случилось?

– Ты взял мое полотенце!

– Да. А вчера вечером ты забрала мое. Пришлось тоже вытираться влажным. Я, кстати, такое не приветствую. Полотенце – очень интимная и личная вещь, знаешь ли.

– Так ты это специально сделал?

– Ну не то чтобы нет... – улыбается широко. Настроение у него хорошее. Это злит еще больше. Разбудил, занял ванну, проторчал там хренову тучу времени.

Снова опускаю взгляд вниз, на полотенце. Некстати вспоминаю, как вчера прижимался он ко мне. А еще эта шутка его про “69”. Я высокая, одно время даже подрабатывала моделью, в студенчестве, когда хотелось уже своих денег, а не постоянно кланчить у родителей. Но при таком раскладе, я все равно ниже его на целую голову. И смущаюсь, словно незнакомец может прочитывать мои мысли.

– Ты долго еще так стоять будешь?

– Я?

– Мне тоже надо в душ. А ты в моем полотенце!

Незнакомец кладет ладонь на узел, которым зафиксировал полотенце, чтобы оно не спало. И хитро смотрит на меня.

– Бери!

– Уходи к себе. Там переоденься и верни мне его. А лучше из своего номера принеси чистое и сухое, – складываю руки на груди. Пусть не думает смущать. И не такое видели. И

все-таки стараюсь смотреть в глаза, но никак не ниже. Хотя, признаю, там есть на что взглянуть.

– Это мой номер, забыла?

Ой, совсем вылетело из головы. Закатываю глаза.

– Так что... В твоём номере нет горячей воды. А еще скрипит кровать. Она маленькая и неудобная. Не выспался из-за этого. Знай.

– Я не пойду туда!

– Интересно, со мной будешь спать? Ну ладно, – ему и правда все равно. Снова насвистывает. Вещи действительно принес с собой. Я и не заметила. Он, наверное, скинул их на кресло, когда быстро проходил в комнату, а я стояла и изучала стену в коридоре, пока не догадалась закрыть дверь.

– Дай я хотя бы вещи соберу, – сдаюсь. Понимаю, что перед ним бессильна. Его не возьмут ни природное обаяние, ни ласковые слова, ни моя женская хитрость. Все без толку. – После завтрака соберу, – вспоминаю, что оплатила завтрак. А желудок зазывно заурчал. Я не ела ни крошки со вчерашнего обеда. Рассчитывала на ужин, но слишком долго добиралась до гостиницы. Все рестораны уже были закрыты. Кстати, в этом городе есть хоть один приличный ресторан?

– Завтрак! Точно!

Он резко снимает с себя полотенце. Я его не смущаю. Перестал меня замечать, как только услышал слово “завтрак”. Отвернулась, поспешно так, резко.

Ладони прислоняю к щекам. Они начинают пылать. Мне

хватило пары секунд перед тем, как я отвернулась. Две малюсенькие секундочки! Кинуло в жар, а ноги окатили ледяной водой. Я словно первый раз увидела мужчину. Нельзя ведь так реагировать.

Незнакомец одевается быстро. Очень. И только в дверях его величество снова вспомнило обо мне.

– После завтрака твои вещи должны быть у тебя в комнате, елочка!

– Да пошел ты... – зачем-то говорю я. Очень поспешно. Я ведь не только болтушка. Иногда мне и правда кажется, что язык без костей. Ляпнуть могу не подумав. Потом и стыдно бывает, и некомфортно от брошенных фраз.

Незнакомец мотает головой из стороны в сторону, цокает языком – самая раздражающая меня привычка, но у него получилось это сделать довольно очаровательно. И тихо прикрывает дверь за собой. Я остаюсь одна и теперь переживаю, что могла его обидеть.

Глава 5. Она

Пячусь назад, пока не упруюсь в кровать. Оседаю на нее и закрываю лицо руками.

– Да что ж такое-то, а? Вот куда меня несет? “Пошел ты, пошел ты”, Черт!

Ложусь на кровать, закрываю глаза. Мечтаю оказаться уже дома. Чтобы весь этот ужас остался позади. Никто не думал, что мое небольшое приключение начнется именно с такой ноты: снегопад, тухленький городишко, странный незнакомец...

– Але, Вась? – сонный голос подруги. Конечно, еще раннее утро. В это время подруга всегда спит.

– У тебя что-то стряслось?

– Есть немного.

– Сейчас, подожди.

По звукам понимаю, что она встала с кровати, идет на кухню. Сейчас будет открывать жалюзи, наливать теплую воду и отрезать ломтик лимона, чтобы закинуть его в стакан. Давно привычные ритуалы. У меня дома утром происходит все точно так же.

Васька возвращается в кровать, усаживается.

– Слушаю. Вещай!

И я рассказываю всю свою историю с той минуты, как пересекла черту этого города.

От Васьки секретов нет. Мы с ней со школы вместе. Именно с той самой, куда я перевелась после того, как прошлые одноклассники меня дразнили. Васька единственная в новом классе первая подошла ко мне знакомиться. Села рядом за парту и начала рассказ о себе. С самого начала. Говорила долго, с интонацией и с такими подробностями, что можно было заслушаться.

– А ты что молчишь? Как тебя, кстати, зовут? Ты так и не сказала. – До конца перемены оставалось совсем немного времени.

Но стоило мне открыть рот, чтобы произнести свое имя, как прозвенел звонок. Учитель быстро вошел в класс и сразу начала вести урок. Мое имя она узнала только спустя сорок минут.

Вот такая у нас история знакомства.

Сейчас Васька сидит у себя дома на широкой кровати, маска для сна поднята на макушку, длинные светлые волосы взлохмачены. Так и вижу ее перед собой.

– Слушай, ну ты как всегда, – заключает Васька после моего длинного монолога. – Может, тебе замутить с этим... как его? Как зовут твоего незнакомца?

– Зовут? – тут я понимаю, что даже имени его не знаю.

– Ну ты же спросила, как его звать-то?

– Не спросила. Мне было не до этого. Я жутко устала. А утром, – вспоминаю, как он стоял у окна в одном лишь полотенце, – мне тоже было не до этого.

– Ну и ладно. Тебе надо уже отвлечься от своего Степана.

– Ну, знаешь ли...

– И не надо мне вот этого! Я понимаю, три года отношений тяжело забыть. Но вот *он*, – намекает на моего незнакомца, – хороший способ хоть на одну ночку забыться. Слышишь меня. За-быть-ся!

– А ты думаешь, это так просто? Я...

Мы со Степаном встретились случайно, банально. Я брала у него интервью. Мое первое и серьезное. Только-только выпустившись из университета и получив долгожданную работу, меня отправили на встречу к Степану. Он некоторое время назад открыл свое первое дело. Неопытный он, неопытная я. Мы долго смеялись, пока я спрашивала у него ответы на вопросы согласно списку, который мне дал мой редактор. А потом поехали в ресторан. Небольшой, но очень уютный. Чуть позже мы стали называть его “нашим местом”.

– Я же люблю его. Или любила. Сейчас уже ничего не понимаю. Запуталась.

– Солнышко мое. Я понимаю. Но так нельзя. Ты целый месяц не можешь выбраться из этой дыры, в которую тебя и загнал Степан. Предательство любимого человека нельзя простить. Я в этом уверена.

– А чувства? Куда мне деть чувства к Степе?

– Пережевать, сожрать и вы...

– Вася!!!

– Молчу. В общем. Тебе задание. Так же с тобой редактор

говорит? Дает задания. Так вот, хочешь быть хорошим журналистом, выполни мое задание – замути с незнакомцем.

– Я была бок о бок с человеком три года. И по щелчку пальцев должна броситься в постель к другому?

– Ну не так уж бок о бок. Умудрился же он с этой Ксюшей-хрюшей трахаться?

– Перестань, – стараюсь придать голосу строгости, но не выходит. Она права. Васька во всем права.

– Все еще больно?

– Да. Мне кажется, я обречена быть преданной.

– Прекращай нагнетать. Тебе просто попадаютсся одни дебилы.

– Степан не дебил.

Васька еще что-то шепчет. Очень похожее на “дебил, конечно”, но делает это так тихо, что не все слова можно разобрать. И тем не менее я безумно благодарна Ваське, что она со мной переживает весь этот фарс, который разыгрывается передо мной уже месяц начиная с вечера нашего расставания.

– Ну-ну. Говорю, замути с тем красавчиком. Вот чувствую, что все получится. Ты отвлечешься, глядишь, и Степана забудешь.

– Он не красавчик.

– По твоему описанию еще какой. И не слезай с него, пока не получишь как минимум два оргазма. Подряд! Секс с другим мужчиной, если он заканчивается крышесносным оргаз-

мом, отрезает все чувства к бывшему. Это я тебе с уверенностью могу заявить. Послушай уж старую свою подружку Ваську.

– Ладно, я подумаю. Пока, подружка Васька!

Кладу трубку. И так грустно становится. Мне бы Васька своим присутствием только подняла настроение, все было бы хорошо.

Васька приехала ко мне в тот вечер, когда Степан собрал свои вещи и ушел от меня. В руке у подруги была сумка, бутылка красного сухого и воздушный шарик. На нем было написано “Все будет хорошо!” Я улыбалась, а на душе скребли кошки. Мне было плохо, очень плохо. И Васька была рядом. Обычные вечера с мелодрамами, бокалом вина, пицца сменялась суши, было много наших разговоров и секретов, которые мы раскрывали друг другу, словно обеим было не по двадцать четыре, а по семнадцать. Мы опять вернулись в школьные годы, и вот-вот начнем обсуждать ее нового парня из параллели.

Телефон в руке еще не погас. На экране наша со Степаном фотография. Я сделала ее в нашу годовщину. Именно тогда он и сделал мне предложение. Романтично так, с большим букетом цветов, признанием в любви. Все как в кино.

Смотрю на фото, и слезы сами собой катятся. Смахиваю их. Все было прекрасно, но для меня оборвалось в один день. Надежды на семью, на теплые совместные вечера, на будущее.

Эта фотография у меня в альбоме идет до той, роковой. Она красивая, эта Ксюша. Небольшого роста, брюнетка с большими зелеными глазами. За такими действительно бегают, дарят себя и свою душу. Я, очевидно, не такая. Хотя старалась. Правда старалась.

Рефлекторно почесываю палец, на котором раньше было помолвочное кольцо. Безумно красивое. И до сумасшествия дорогое. Оно мне всегда нравилось. С самой первой секунды, как Степа открыл коробочку с украшением и протянул ее мне.

Стук в дверь выдергивает из моих воспоминаний и моего краха. Нехотя встаю с кровати, открываю дверь.

Там он. Мой незнакомец. Волосы высохли. Сверху они отросшие и закручиваются назад, будто уложены так специально.

Смотрит на меня внимательно, изучающе, окидывает взглядом. И я отчего-то улыбаюсь.

Может, и правда...

– У тебя сейчас кто-то есть?

Глава 6. Она

– Не понял? – все еще всматривается в меня, сканирует.

– Да так. Не бери в голову.

– Нет уж, изволь объясниться! – незнакомец облакачивается на косяк и улыбается мне.

Проклинаю себя за несдержанность, за то, что решила послушать Ваську и что так позорно провалилась даже в таком, казалось бы, простом вопросе.

Тушуюсь. Он ведь прекрасно все понял. И мне уже хочется сгореть со стыда.

Тяжело проявлять инициативу. Мне раньше говорили, что я ведомая, зависимая по-другому. Не могу понять, обидно это или нет, но в правдивости не откажешь. Потому что я и правда привыкла быть за кем-то. Сначала за папой, потом за Степой. Но вот, к чему это может привести – тот, кому ты собиралась рожать детей, создавать уют, жить в горе и в радости, как и мои папа с мамой, спит с другой, отменяет свадьбу, а спустя один лишь месяц уже планирует свадьбу с другой. По залету.

Незнакомец проходит в комнату, озирается. Пальцем цепляет сорочку ночную. Я ведь успела переодеться, а вот убрать и собрать вещи еще нет. Рассматривает ее, пристально, как и меня у двери. Шумно сглатываю скопившуюся слюну. Не нравится мне этот взгляд. Он не просто любопытный

и любознательный. Скорее изучающий. Как зверюшку. Дикую и странную. В голове то и дело винтики крутятся.

Мотаю головой и прогоняю образы. Все-таки поторопилась я с вопросом. Неловко теперь. А назад слова не забережь.

– Ну и что молчишь?

– Извини.

– Что? Так понравился тебе? – присаживается на кресло, единственное, ноги в стороны, а руки сложил на груди. Повадки невоспитанного и дерзкого человека. Мне такие никогда не нравились. Но этот... Он отличается. Другой. Пока не могу понять, в чем его особенность. – Это случилось до того, как без полотенца увидела? Или уже после?

– Да ты...

– Но это нечестно, согласишься?

Незнакомец встает с кресла и медленно подходит ко мне. Я стою не шелохнувшись. Меня одновременно все завораживает и пугает. Все его движения, все его слова. Я будто под гипнозом.

Он пальцем очерчивает овал лица, спускается ниже к шее, ключице, останавливается только у края кофточки. Я не могу вымолвить и слова. Просто проглотила язык.

И совру если скажу, что дышала.

– Я должен тоже тебя оценить.

– Помнишь, что я тебе сказала, когда ты уходил из номера несколько минут назад?

– Напомни, – приближается. Дыхание чувствую у основания шеи. Там самая чувствительная точка. Лишь легкий поцелуй, просто касание губ выводит из равновесия. Помню, Степа знал о ней и пользовался. Так странно теперь чувствовать чужие касание.

– Пошел ты...

– Девочка, не боишься так с незнакомцами разговаривать?

Голос стал жестким, грозным. Но отстраняться не спешит. Вдыхает аромат, шумно. Ну и чем же я пахну, незнакомец? Какой-нибудь конфеткой? Розой? Или экзотическим фруктом?

подавляю смехок. Мне и правда становится смешно. Только вот он прав. Я не знаю кто он и кем работает. Мои слова могут сыграть со мной злую шутку.

– П-прости, – еще немного заикаюсь. Это не из-за его действий, нет. Заикание еще возвращается ко мне из-за стресса. А последний месяц нельзя назвать самым спокойным в моей жизни. Скорее наоборот.

– Никогда и ничего подобного не говори незнакомым людям. Особенно если они мужчины.

– Выйди, – снова сглатываю, – пожалуйста.

– Забыла? Это моя комната.

Его дыхание еще у лица, горячее, даже обжигающее. Он не спешит отстраниться, ему будто нравится. Я нравлюсь.

– После завтрака. Был уговор.

– Ну, если поцелуешь...

– Что?

Он опускает взгляд на губы. Облизываю их. Последний раз я целовала Степу. Именно в тот вечер, когда мы и расстались. Поправочка: он меня бросил. Поцелуй был сладким, с привкусом табака. Коротко, но по родному приятно. Легкая горчинка и приятная нежность. Если бы я знала, что это наш последний поцелуй и последний вечер, я бы провела его по-другому. Поцеловала бы по-другому. Вложила бы в нее всю свою любовь и нежность. И преданность. Ну неужели эта Ксюша ему это все дает? Хотя... дает она ему точно. И далеко не факт, что любовь и ласку.

– Не буду я тебя целовать. Понял?

– Почему? Мы же выяснили, что нравлюсь тебе, м? – шепчет на ушко. Голос вибрирует и разносит мурашки по всему телу. Странная реакция.

– Много о себе думаешь, незнакомец.

– Незнакомец? – он отстранился от меня, взглянул в глаза, брови взметнул вверх. Он удивлен. И улыбка у него такая открытая. Так он становится и правда красивым.

– Я же тебя не знаю. Вламываешься ко мне в номер, наводишь свои порядки...

– Напоминаю, это мой номер!

– После завтрака...

– Да...

Губы близко. Хочется дотянуться. Совсем чуть-чуть же.

– Ну так что? Поцелуешь, а? Незнакомка?

– Иди ты ...

Ничего не говоря выходит, зло хлопает дверью, оставляя меня одну. А ведь я уже встала на носочки. Мне хотелось коснуться до его губ. Посмотреть, что будет? Что я почувствую?

Глава 7. Она

Завтрак в этой гостинице в столовой. Советской такой, с деревянными стульями и серой плиткой.

Я выбрала дальний столик от двери, а незнакомец наоборот. Поэтому сидим в разных концах. Но то и дело переглядываемся. То я стрельну глазками, то он. Только у него взгляд тяжелый, не могу долго останавливаться на нем. Но не могу и не смотреть. Тянет он к себе.

Пиликанье на телефоне – приходит сообщение. Конечно же, это Васька. Проверяет меня, интересуется.

– Ну и что ты мне пишешь?

– А ты посмотри, посмотри. Я там написала, чтобы ты не теряла времени, солнышко.

– Ты знаешь, Вась, а я спросила у него, есть ли девушка постоянная или нет. И потом так себя неуютно чувствовала. Будто в грязи искупалась. Неправильно это все. – Шепчу в динамик. Здесь слышимость хорошая, переживаю, что каждое мое слово может быть слышно на другом конце. Именно там, где и сидит мой незнакомец.

– И что? Девушка, не девушка. Ты себя цени. Свое состояние и свое положение... отвлекись, развейся, в который раз тебе говорю.

Бешусь. Понимаю, что она права, но словно меня что-то сдерживает. И это Степа, в этом уверена. Он ушел из моей

квартиры, но никак не из мыслей. Сердце... может, он еще там...

– Все, я бросаю трубку, Вася. И не перезванивай, не возьми.

– Хорошо. Но пришли фотки. Его, а? И рассказ потом. Подробный, – уточняет еще, – я буду ждать, – и сама первой кладет трубку.

Приходит сообщение с работы. Да, рабочий день-то уже начался. Вот и посыпались. Надо переделывать статью, еще какие-то коррективы вносить. Голова кругом.

В редакции сейчас шумно. Представляю суматоху и начинаю скучать. Это единственное, что меня отвлекало от мыслей про Степу. Работа, интервью, написание статей, обзоры.

Незнакомец подходит со своим подносом. На нем тарелка с омлетом, горошек, две сосиски и кофе. Жуткий на вкус и цвет. Но ничего другого здесь нет. У меня такой же набор. Насколько съедобно еще не знаю. Не успела отправить в рот ни кусочка.

Незнакомец прожигает меня взглядом так, что не могу сдвинуться с места. Что-то решает. Долго. Мучительно. Я вопросительно поднимаю одну бровь.

– Что? – смотрю прямо на него. Правда, не красавец, но что-то в нем есть. А что, пока не пойму. Думаю, девушкам это точно нравится. Загадочность, таинственность...

– Я подумал, – присаживается напротив меня. Поза расслабленная, а лицо довольное. – Мы неправильно начали, не

с того. Давай попробуем по-другому?

– И как же?

Он протягивает мне руку. Она теплая и сухая. А еще большая. Я никогда не любила, когда у мужчины мокрые и холодные руки. Как у лягушки.

– Иван.

– М-маша, – снова заикаюсь. Не потому, что страшно. Нет. А потому что думала над именем. Если уж и играть с этим незнакомцем, то только не от своего имени.

У меня в институте была одnogруппница. Ее звали Маша. Фамилия еще такая красивая, звучная. Первая красавица на курсе, так говорили парни. Любому могла вскружить голову. В нее были влюблены все представители мужского пола, а девушки завидовали. Возможно, ее сила была в ее простом имени. Так хочется думать.

Смотрит пристально, даже не моргает.

– Со мной что-то не так?

– Не знаю. Ты мне скажи.

– Тебе не подходит имя Ваня.

– Это почему же?

– Оно простое.

– А я, значит, сложный?

– Да. И непонятный.

– Интересно, но и ты на Машу не очень похожа.

– Почему? Тоже простая?

– Ну... ты обычная. Но никак не Маша.

– Странные у тебя ассоциации с этим именем. У меня в институте была как раз Маша. Королева потока. Все парни были от нее без ума. Именно тогда мне и понравилось это имя.

Прикусываю язык, поняла, что сказала лишнее.

– И что значит обычная?

– Ну... два глаза, две руки, две ноги

– Можешь дальше не продолжать.

– Отчего это? Два уха, двадцать пальцев. Хотя тут не уверен. Не считал.

Встаю и собираюсь уйти. Этот тип, Ваня, либо просто издевается и выводит меня из себя. Либо просто дурак.

– Да шучу я. Юмор у меня такой.

– Отчего я делаю вывод, что постоянной девушки у тебя нет, – откидываюсь на спинку стула, который скрипнул.

– Почему? – на меня теперь не смотрит. Все внимание омлету и зеленому горошку.

– Никто не выдержит таких шуток. Они безвкусные.

– Или отстойные.

– Именно, – накальваю на вилку маленький кусок омлета. Да, он все-таки мерзкий, а еще пересоленный и сморщенный.

– Ну, извини. Какой уж есть, – Ваня отпивает кофе и морщится. Согласна, тут он ужасен.

Я понимаю, что Ваня единственный тут, с кем можно поговорить. Да, собеседник он специфический, но без разгово-

ров я не могу. Два дня одной мне сложно. Не люблю одиночество. Да и его эта странность притягивает. Снова возвращаюсь к словам Васьки.

– Ты надолго здесь? – спрашиваю я.

– В этом городе? Нет. А ты?

– И я нет. На пару дней. А потом нужно будет одно дело завершить, поставить точку, так сказать. Да я вообще не должна быть здесь. Работы много, да и потом... – говорю быстро, иногда глотаю окончания.

– Стоп! Ты всем так много о себе болтаешь?

– Это не много, – стараюсь улыбнуться.

– Много.

– Хорошо, – я замолкаю, опускаю взгляд на недоеденный омлет, который и не буду доедать. Так и останусь голодной. Понимаю, что найти бы в этом городке хоть какой-то магазин. Готова даже съесть сухую лапшу, но лишь бы не притрагиваться к местному завтраку.

И тишина. Ваня смотрит вокруг себя, может, замечает какие-то детали, я же делаю что угодно, лишь бы не смотреть на него. Чувство неловкости сохраняется.

– Ладно, продолжай, – разводит руки в сторону. Сдаётся?

Улыбаюсь, широко, обнажая все свои зубы. Только не пишу. А Ваня начинает смеяться. Мне кажется, это первая наша точка, общая.

– В общем, когда я сюда ехала, не думала, что попаду в такую метель. Я, конечно, из тех, кто радуется любой погоде.

Ну, знаешь, как в песне из советского фильма. Я представляла, что в дождь сижу на подоконнике и мечтаю, а в солнечный день прогуливаюсь по улицам города с Васькой. Васька – это подруга, чтобы ты ничего не подумал лишнего. Мы заглядываем в магазины с шумными кондиционерами и просто наслаждаемся жизнью. А в ноябрьский промозглый вечер можно сидеть с мужчиной, любимым, в ресторане, скрываясь от этих пронизывающих ветров, – мечтательно закатываю глаза, а потом всматриваюсь в потолок. Он с подтеками, но я представляю, что я именно в том ресторане, куда и пригласил меня мой мужчина. Очень надеюсь, что больше никогда он меня не бросит. – А зима. Это Новый год, коньки, снеговики. В детстве очень любила их лепить. У нас во дворе было много места. И когда выпадал снег, то получался просто огромный белоснежный ковер, на котором мы лепили два, три, а может, и больше снежных баб. Было так здорово! Знаешь, а еще летом здорово поехать купаться на речку. Когда кожа горит, а ты ныряешь в эту прохладу. Так о чем это я... да, о снегопаде вчерашнем. Я просто прокляла его, пока добиралась. Ничего более жуткого и раздражающего я в жизни не видела..

– Значит, ты из столицы, по такой погоде. Отчаянная.

– Да, когда преследуешь одну цель...

– И что за цель? – замолкаю. О таком вообще можно говорить с незнакомцем? Немного глупо и безответственно.

– Да... я много болтаю.

Он смеется. Заливисто. Красиво. Нельзя не подхватить.

Мы поговорили еще про город, про то, что коммунальщики вконец оборзели. Но только не в Москве. Там с этим полный порядок, если не заглядывать в спальные районы. Ваня иногда смеялся, а иногда просто улыбался. Я наблюдала за ним, изучала. У него маленькая родинка у нижнего века. Точка всего лишь. Но так и тянет прикоснуться к ней. А когда он улыбается, то левый уголок губ тянется вверх. Это больше похоже на хитрую ухмылку, словно он пытается разгадать самую важную загадку в своей жизни. А еще он часто разглаживает брови большими пальцами. Руки аккуратные, по-мужски притягательны. Я помню, что они теплые и большие.

– Я так понимаю, на вечер планов нет?

– Нет, – смотрю в его хитрые глаза и глупо улыбаюсь. Он мне и правда начинает нравиться. Только не пойму причину. Может быть потому, что он здесь один. Человек. Мужчина. Или все-таки из-за его шуток, над которыми внутри себя я смеюсь, а на деле сдерживаю этот смех. А еще он обаятельный. Обаятельный незнакомец.

– Тогда вечером устроим что-нибудь.

– Что-нибудь? В моем представлении “что-нибудь” не самое невинное.

– Ну вот и ты можешь шутить. Это хорошо. Но мы просто посидим. Лучше вдвоем, чем поодиночке в номере. Да, болтушка?

Опять глупо улыбаюсь и качаю головой, как болванчик.

Ухожу из холла и оборачиваюсь. Цепляет он меня. За прошедший час я ни разу не вспомнила о Степане. Незнакомец вытеснил образ человека в моих мыслях за какой-то день. Ну, может, чуть меньше.

Глава 8. Он

Смотрю ей вслед. Фигурка правда зачетная, мне нравится. Есть что заценить. Но наивная и до ужаса болтливая.

Получается, там в номере своим вопросом она завуалировано хотела намекнуть на секс с ней. И никак не могу понять: это глупость или самоуверенность? А может, тупо похоть? Что? Любопытно же мне. Я на грани того, чтобы залезть к ней в телефон или комп, который она сто процентов прихватила с собой, и узнать кто же эта незнакомка. То, что она не Маша, я почти уверен. Догадалась ведь не своим именем представиться. Значит, не такая уж и дура.

Что ж, хочет поиграть? Устроим ей игру. Увлекательную. Назовем ее “поймай незнакомца”, а лучше “поймай незнакомку”. Но только эта Маша не учитывает силу противника. Делаю вывод, что раньше в такую игру не играла. Впрочем, так интересней будет.

Включаем таймер. У нас около 34 часов. Отсчет пошел.

Моя игра в “поймай незнакомца” закончилась печально. И мне ли не знать ее правила. И как рассчитать силы противника, продумать стратегию.

Точнее, игра называлась “Catch the strangers”. Мы так и назывались – Strangers.

Организовал ее я. Потом присоединился Миха. Вот только пробыл он недолго, откололся. Его поймали на теневом

заработке. Он продавал ворованные электронные кошельки. Думал, не заметят его, но плохо подчищал за собой. Дурак. Потом мы нашли Леху. Он помогал нам с махинациями с кредитными картами. Ну и был основным в фишинговых письмах. Сколько же мы их рассылали, даже не сосчитаю. Но поймали и его. Глупо так у него вышло. Уехал за границу и оборвал со всеми контакты. Кроме своей девушки. На коротких переброшенных сообщениях его и вычислили. В те дни я понял одну важную вещь – нельзя быть в отношениях. Рано или поздно они погубят. Любовь вообще губит и обнажает.

Потом мы с Демидом ломали банковскую систему. Помню, когда первый раз у нас получилось. Это было очень странно. Ты сидишь в компьютерном кресле, уставился в монитор. Там строки, цифры, коды. Бегают все перед глазами. И ты понимаешь, что сделал то, к чему шел. Задал себе задачу и решил ее. А она была со звездочкой. Думали ли мы о том, что причиняем вред? Нет. Таких мыслей отродясь не было. Мы считали это нашей работой. Никто ведь честно не зарабатывает. Так чем же мы хуже?

Демиду поймали, я же успел убежать. Целый год я был один. Но потом познакомился еще с одним парнем, с которым проворачивали такие дела, за которые не каждый возьмется. И получали бабки, огромные. Выводили их через посредников. Кого только не найдешь в даркнете. Ведь проблема хакером в том, что мы понимаем, как устроена система,

но вот вывести оттуда деньги – это проблема финансистов. Многие на этом и ломаются. Думают, это очень просто. Раз – и ты миллионер. Долларовый. Но это далеко не так. Нужен еще человек, тот, кто знает, как правильно это сделать. Ключевое слово – правильно.

Оставляю всю посуду на столе. Ужасный завтрак. Но ничего другого я и не ожидал от этого места. Допиваю последний глоток кофе. Он холодный и мерзкий на вкус. Скучаю по тому кофе, который в кафе у работы. Мужской, как говорит Петрович. Вот сейчас бы этот мужской кофе, и обратно в путь.

На телефоне пара сообщений от матери. Она уже как-то узнала, что я вернулся в город. Мы не общались несколько месяцев. Последний раз сильно разругались. Можно сказать, вдрызг. Но вычеркнуть родного человека из своей жизни я не смогу. Пусть она и считает меня позором семьи, которая, к слову, распалась более пятнадцати лет назад. Отец ушел, с тех пор я его никогда и не видел. Да, честно признаться, в моей жизни и до этого он участия особо не принимал.

Кручу телефон, пока поднимаюсь к себе в номер. Он словно спиннер. Ловко так его верчу. Сам засмотрелся.

В комнате убрано. Незнакомка Маша собрала все свои вещи, которые до этого она разбросала по всему номеру. Прибралась так, что даже горничную можно и не звать. И не побрезговала ведь. Полотенце аккуратно висит на полотенцесушителе и сохнет. А внизу под ним пара новеньких отель-

ных тапочек. Даже не имею ни малейшего понятия, как они оказались в этой гостинице.

Да, ничего не оставила. Проверил все шкафы – пусто. Даже жаль.

– Мария, Мария. Кто же ты? Чем живешь? – смотрю на закрытую дверь. Хочу, чтобы она открылась внезапно, и незнакомка вошла без стука. – Нет, ты не Мария. Уверен. Хотя и я не Иван. Да, пока ничья.

Снова сообщение от матери. Без приветствий. Про пожелание доброго утра молчу. Кто я такой, чтобы желать мне такое?

Написать ответку или позвонить?

– Я так понимаю, ты в городе? – уже на первой ноте пожалел, что решил просто услышать ее голос.

– Да.

– Послушай, думаю, тебе не надо туда ехать. Если, не дай бог, узнает жених твоей сестры, ты ты понимаешь, что оно разорвет все. Бросит ее. Позора не оберешься. А что скажет на это Игорь? Ты о нем подумал?

– Мне на твоего Игоря пофигу, – ругнулся бы жестче. Грубые слова так и вертятся на языке. Но не люблю эту самую грубость. Мат-то в редких случаях использую.

– Весь в отца... – мать говорит тихо так, шепчет. Но я ведь ее отчетливо слышу. Каждое ее слово. – Ты думаешь, сестре твоей приятно будет видеть тебя?

– Еще как!

– Ты просто... идиот. У меня слов нет. Все как обычно испортишь, – сжимаю телефон сильно, хотя понимаю, что он ни в чем не виноват.

– Может хватит уже? Что я тебе сделал, мам? Я твой сын. Единственный... – бессмысленные для нее слова, которые имеют большую ценность для меня. Каждый раз спрашиваю, каждый раз жду от нее ответа. И слов прощения.

– Мой сын никогда бы такое не делал. Другие мальчишки вон в футбол гоняли, играли во дворе, а ты? Что делал ты? За компом сидел. Ни помощи, ни поддержки. Одни проблемы! Ты... позор. На свадьбе даже не появляйся.

– Я обещал. Так что... извини.

Кладу трубку. Откидываю ее подальше. Мне больно, когда моя мама, родная, единственная, говорит такое.

А помню в детстве, еще далеко, когда мы правда были семьей, ходили в цирк. Это был приезжий, из столицы. Билеты раскупили за один день. Отец успел достать хорошие места. В тот день я был самым счастливым ребенком. Сладкая вата, катание на пони, мне даже разрешили потрогать каких-то животных. Кажется, это были еноты. Мне было шесть лет.

И выходит, что семьи теперь у меня нет. Но очень хочется. Семья – значит, ты кому-то нужен. Сильно-сильно так.

Глава 9. Она

Открываю чемодан. Я понимала, что еду на несколько дней. И мне понадобится не так много вещей. Но я была бы не я, если бы не взяла несколько нарядов про запас. Всегда так делала.

Достаю брючный костюм, черный. Строгий. В нем я приходила на самые серьезные интервью. Их была всего пара, но каждый по-своему сложный. Это на экране очередного канала на ютуб выглядит все красиво и легко. А на самом деле за всей той картинкой стоит огромная работа и большой труд.

Но я откладываю этот костюм. Для него у меня отдельная задача. И она явно будет выполнена не сегодня. Следом достаю легкое платье, шелковое. Сейчас его называют бельевого типа. Очень модно и стильно.

Цвет марсала. Мой любимый. Вешаю его на единственную вешалку в шкафу, немного погнутую. Платье нужно отпарить. Да, в моем чемодане и ручной маленький отпариватель есть.

Макияж скромный, но губы делаю яркими. Смотрю на себя в зеркало. Я не красавица. По крайней мере никогда себя такой не считала. Возможно, мой незнакомец в чем-то и прав – я обычная. Хоть папа мне всю мою жизнь говорил, что я принцесса и красивей девочки просто нет. Со временем только понимаешь что есть. И их много.

Туфли взяла единственные, но они подходят ко всему. Универсальные черные лодочки.

Прохожу к зеркалу, представляю, что я на подиуме. Всегда так делала. В подростковом возрасте, и сейчас. Мода и стиль всегда мне нравились. Моя мечта писать именно об этом. Наивно, по-женски глупо, но вот как есть.

У мамы даже сохранились мои самодельные журналы мод. Я вырезала картинки, статьи, которые мне нравились, и клеивала в тетради. А еще писала обзоры от руки и комментировала уже имеющиеся заметки.

Смотрю на свое отражение и не понимаю, зачем это все? Этот маскарад? Платье? Макияж? Кому это все нужно? Хочу стереть.

Последний раз я так выглядела в тот вечер, когда Степа меня бросил. Платье было только другое. Обычное черное, но подчеркивающее фигуру. И те же красные губы.

– Нам нужно поговорить. Это важно, – Степа заявил это с порога. А я сразу поняла, что-то случилось. Но у меня и мысли не было, что это касалось нас. Думала работа, может, в семье произошло что-то. Как же я была неправа.

– Степа? Что случилось? – я присела на подлокотник дивана. На столе был ужин. Я приготовила его любимую утку, а на десерт яблочный пирог.

– Так вышло, что нам надо расстаться!

В ту секунду у меня заledenели руки. Я силилась что-то сказать, но не выходило. Пропал голос, мне так казалось. А

любой звук походил на хрип. У меня вертелся на языке только один вопрос.

– Почему, Степа? Что я сделала не так?

Он долго мне не отвечал, ходил из угла в угол, вскидывал руки, проводил им по волосам, оттягивал. Я следила за каждым его движением.

Мне казалось, ближе него у меня тогда никого и не было. Мама и папа считались дальними родственниками, а Васька просто школьной подружкой. Я растворилась в этих отношениях и потеряла себя. А когда Степа ушел, то забрал часть меня с собой. Я чувствовала себе сломленной, загубленной и никчемной. Меня не существовало вовсе. Ведь кто я такая без Степы?

– Зайка, я понимаю, что мы хотели пожениться. И поверь, если бы смог что-то исправить, то я бы сделал это. Но не могу. Родители, они заставляют меня сделать кое-что другое. Я не могу пойти против них.

– А как же я, Степа? Получается, я неважна для тебя?

– Важна конечно. Но... не получается, заюль.

– Я ведь тебя люблю, Степ. Больше жизни. Я... думала, что после свадьбы поедем в путешествие, планировала беременность. Как мне теперь? Как я буду без тебя?

Я плакала долго. По Степе, по ушедшим вместе с ним мечтам. Корила себя, что не уберегла, ненавидела Степана, что так до конца мне и не открылся. Проклинала его родителей, что шантажировали его.

Это было месяц назад. А сейчас я собираюсь на свидание с каким-то незнакомцем, который меня зацепил. И это будто не я смотрюсь в зеркало, точнее другая я. Та, кто поняла, что жизнь идет дальше.

Когда рушится все, начинаешь со временем отстраивать заново, но просто учитываешь все ошибки. Почему же мой старый дом рухнул? Где были ошибки в расчетах?

Стук в дверь был громким. Я даже подскочила. Еще раз смотрюсь в зеркало и проверяю, не стерлась ли помада и не выехала ли она за границы губ. Поправляю платье. Мне даже кажется, что я слегка волнуюсь.

Открываю дверь. А там он – незнакомец. Его зовут Иван, но я не уверена до конца, его ли это имя. На нем темные джинсы и обычная светлая рубашка с закатанными рукавами.

Я говорила Ваське, что он не красавец. Ошиблась. Сейчас он еще какой красавец. Улыбается еще так хитро и зазывно.

Ладонки немного потеют, это нервное. Улыбаюсь также нервно и коротко. Мне не хочется, чтобы он заметил мое волнение.

Это ведь всего лишь вечер. Мы просто поболтаем, посидим.

– Ты чего? – Ваня рассматривает меня, а взгляд этот ошущаю. Он согревает, а потом проказники-мурашки покрывают кожу.

– Да вот думаю, как в чемодане оказалось у тебя вечернее

платье. Я ведь правильно понял, это оно? Ты ехала за триста километров от Москвы, в снегопад, метель...

– Ой, сейчас расскажу. Я каждый раз, когда куда-то собираюсь...

Он прислоняет свой палец к моим губам. Попытка, чтобы я помолчала. Грубый такой жест, без намека на интим.

– Тсс. Помнишь, в советское время были плакаты? Болтун – ...

– Находка для шпионов. Я знаю. Но понимаешь, когда меня спрашивают, всегда хочется ответить и рассказать.

– Мой вопрос не подразумевал ответа.

– Зачем тогда ты спрашивал?

Он просто прикрывает глаза и сжимает губы.

– Да, классное платье. – Еще раз обводит меня взглядом и подмигивает. Потом протягивает руку. Пальцы покалывает в нетерпении положить в нее свою ладонь. Она там может потонуть. А еще согреться. Надо бы накинуть платок. Я и правда могу замерзнуть. Если бы у моего незнакомца был надет пиджак, я бы попробовала схитрить и попросить накинуть мне его на плечи. Мне кажется, он пах бы специями, как и подушка, на которую он прилег в тот вечер. Или ночь. Времени тогда было не разобрать. Но он без него, а значит, платок мне необходим.

– Подождешь минутку?

– Хочешь сбежать?

– Нет, – глаза расширила. Неужели он и правда так думает.

Или очередная его тонкая шутка?

– Хорошо. Только платью не меняй. Оно мне и правда понравилось, – снова улыбка, уголок губ поднимается влево. Пялюсь на эту его особенность, потом на маленькую точку-родинку у века и прикусываю нижнюю губу. Кажется, он даже не догадывается, насколько обаятельно это выглядит. Или наоборот. Догадывается и часто этим пользуется. А все девушки ведутся на это. Уверена. И я в том числе.

Захожу быстро в комнату и прикрываю дверь. Рука на груди, отсчитывает удары сердца. Да что происходит? Даже как-то стыдно за это чувство. Запредельно, но желанно.

Платок нахожу сразу. Он единственный в моем небольшом гардеробе, который захватила сюда. Молочного цвета с красивыми мазками такого же цвета марсала, как и мое платье.

Накидываю на плечи и выхожу в коридор. Незнакомец ждет. Встречаю его улыбкой. И снова его рука, в которую, наконец, кладу свою ладонь. Я права – она утонула. Но так уютно и тепло. Не хочется отсоединять и убирать ее.

– А куда мы идем? Я так понимаю, это в пределах гостиницы? Иначе бы мы надели верхнюю одежду.

– Логично.

– Ну?

– То есть ты не только болтушка, но еще и не отличаешься терпением?

– Покажи мне девушку, у которой оно есть.

– Дважды логична. Идешь на рекорд. Маша. – Выделил он мое имя. Даже странно слышать его, обращенное ко мне.

Мы прошли немного. Всего лишь один пролет вниз. Большой холл между длинными коридорами. Там стоит пальма. Ей не меньше десяти лет. Нижние листья уже подвяли, а декоративное кашпо пора заменить. От постоянного контакта с водой дерево начало рассыхаться. Выглядит неопрятно. Два старых кресла с жесткими подлокотниками и телевизионной тумбой между ними. Антураж тот еще.

– Обстановка тут, конечно, так себе, – прикусываю язык. Незнакомец, может, старался тут, наводил порядок, чтобы было комфортно и удобно, а тут я со своими замечаниями. Но он лишь усмехнулся.

– И не говори. Ощущение, что попал в прошлое. У меня что-то похожее было у бабушки в доме.

– Так мы просто будем сидеть и... разговаривать? – Я поняла, что мой незнакомец не любитель болтать. Скорее слушать. И то дозировано. Он точно не работает с людьми, или, наоборот, вокруг него их очень много, что в обычной жизни устает от постоянного присутствия посторонних.

– Нет.

Рукой показывает на стену. Там висит большая белая простыня. А у противоположной стены проектор. Не самый новый, но довольно современный.

– Кино?

– Кино.

Глава 10. Она

Ума не приложу, как он это все провернул. То есть простынь я понимаю, где взял. Но вот проектор... Неужели в этом старом здании есть что-то из новой, из современной жизни?

На тумбе нахожу открытый компьютер. Его экран подсвечивает стену голубым. А еще бутылка вина и фрукты.

– Вот думаю, хочу я знать, откуда ты достал эту экзотику или нет?

– Ты про вино? Фрукты? Или проектор? Конкретизируй.

– Вообще про все. Но больше меня интересует арбуз и вино. Красное, полусладкое. Крымское, – немного морщусь. Не самое мое любимое. Точнее, нисколько не любимое.

– Понимаю, – замечает он мою реакцию, – тоже не люблю такое. Но местные магазины не отличаются особым выбором.

– А арбуз?

– Я могу это оставить в секрете?

– Конечно же нет, – сажусь на одно из кресел, пытаюсь сделать все элегантно и красиво.

Ваня берет два бокала, сжимает две ножки между пальцами и несет ко мне. В другой руке вино. Он ловко его открывает и разливает. Я наблюдаю за каждым его движением. Они уверенные и твердые, словно он каждый день приводит

девушек в импровизированный кинотеатр и угощает их Тайским арбузом и Крымским вином в зимнюю стужу.

Из этого получилась бы неплохая статья. Например, несколько способов, как не оставить девушку равнодушной, или способы влюбить в себя любую. Руководство к действию. Да, редактору бы понравилось. Немного наивно, романтично, но на молодых девчонок действует. А то что действует, то и продается.

– А ты знаешь, меня первый раз приглашают так в кино.

– Это не совсем кино.

– Я так понимаю, делать романтические жесты не означает быть романтиком?

– Верно.

Единственный сюрприз, который мне сделал Степа, это как раз предложение в нашу с ним годовщину. Было романтично, неожиданно и до боли приятно. Потом было много разговоров, планов и мечт. Поцелуи, еще поцелуи. Не прекращаясь. Он не останавливался, а я не говорила “хватит”. Любила его всего, всем сердцем. Мне казалось, что моя любовь может даже исцелять. Такая чистая и необъятная.

– У меня есть романтическая комедия, – незнакомец морщится, – боевик с эффектом драмы, – теперь кивает в одобрительном жесте, – ну и триллер. Что выберем?

– Сначала я хочу арбуз.

Он шумно вздыхает и несет тяжелую тумбу, на которой стоят все фрукты к моему креслу. Ставит ее с легким грохо-

том.

– Прошу.

– А ты все сам резал? – беру в руки один кусочек арбуза. Он желтый и без косточек. Чистая экзотика. Так ли уж важно, откуда он его взял в этом захолустье. Главное ведь, что нашел. А он искал, больше чем уверена. И все это ради меня.

– Да.

– А виноград с косточками?

– Без.

– Это хорошо. Я не люблю виноград с косточками.

– Их надо просто жевать и есть.

– Гадость. Они горькие и невкусные. А потом кусочки этих косточек застревают в зубах.

Незнакомец странно на меня поглядывает, вздыхает, закатывает глаза. Но никуда не уходит.

– Может, что-то скажешь? – я подняла бокал с вином и впросительно смотрю на знакомого. Да, немного его провоцирую. Хочется еще услышать его колкие замечания. И этот взгляд на себе, изучающий и любознательный.

– Не умею красиво говорить.

– Ну ты постарайся.

– А ты всегда такая напористая?

– Только с избранными, – дарю ему свою самую обволакивающую улыбку, так называл ее Степа. От нее у него замирало сердце, по его словам. Сейчас эта улыбка уже не предназначена бывшему жениху. А вот этому Ивану, что не Иван,

приятному незнакомцу, который на некоторое время заставил поверить, что я особенная, да. И если он так заморочился по поводу этого вечера, значит, не такая уж я и обычная.

– Почту за честь. Но помнишь как в книге? Никогда не разговаривай с незнакомцами.

– Это совет? Наставление? Или удачное стечение обстоятельств?

– Ни одно, ни второе, ни третье. Это урок. За незнакомцев. Маша, – и снова выделил мое имя. Звонко так, перекачивая каждый звук на языке, пробуя и смакую, какое же оно на вкус, это имя.

Я делаю жадный глоток, и вино попадает не в то горло. Начинаю кашлять, а слезы капают из глаз. Вдох затруднен.

Незнакомец поднимает мою левую руку. И кожу обжигает. Меня кидает в жар, когда он касается предплечья, ведет руку к запястью и слегка надавливает на центр ладони. Сжимает ее и не торопится выпускать.

– Все, все. Больше не надо.

– Вино больше не будешь? – шутит он.

– Буду, – пытаюсь улыбнуться, но только еще раз начинаю откашливаться, – держать больше не надо.

Как бы не признаться, что на него такая странная реакция, к которой я пока не знаю, как относиться. Пугает.

– На, – протягивает он бокал с водой. – В горле сейчас горько, наверное?

– И откуда ты все знаешь?

Он ничего не отвечает. Отходит в сторону к своему компьютеру. Долго что-то ищет. Пока он был весь внимания в нем, я смотрела на него.

– Ты определилась с фильмом?

– Приключение.

– Такого в списке не было.

– А оно может появиться? Хочу приключение.

– Ну, давай приключение.

На простыни были заломы, а проектор был все-таки староват. Он шумел и часто зависал. Но это не помешало мне наслаждаться фильмом. Было уютно. По-домашнему даже как-то. Хотя я прекрасно понимала, где мы находимся, и вообще, кто сидит рядом со мной. Но мне было важным осознать то, что я уже не представляю сейчас с собой Степу.

Еще пару недель назад я сидела на кухне, в духовке готовился ужин, как всегда, на двоих. И я все ждала, что вот сейчас раздастся звонок и придет Степа. Он обязательно извинится, возьмет свои слова обратно, и все будет, как прежде.

Как прежде, конечно же, уже не будет. Поздно.

Первые изменения внутри я почувствовала, когда узнала о его свадьбе и о том, что невеста его беременна. Степа мне изменял. Мой жених не был мне верен.

– У тебя очень умный вид сейчас, словно ты смотришь не приключение, а детектив.

– Ты когда-нибудь изменял?

– Что?

– Ну, находясь в отношениях, ты был еще с другой женщиной?

– Странный вопрос. Нет, потому что я принципиально не завожу никаких отношений.

– Почему?

– Не хочу. Устроит такой ответ?

– Жаль.

– Что я не завожу отношений?

– Что не изменяешь...

Ваня начал смеяться. Я только потом поняла, что спросила и сказала.

– Ой, прости. Я сказала и не подумала.

– Да нет, это была смешно, – в его глазах еще играют смешинки. Я вижу их блики, что тяжело отвести от них взгляд. – А почему вообще такой странный вопрос?

– Да так. Хотелось бы узнать, что руководит мужчиной в этот момент.

– Ну что руководит конкретным мужчиной я не знаю, а в принципе все очень просто – похоть, желание что-то себе доказать, ну и отсутствие любви к своей женщине.

– Мм...

Незнакомец перестал смотреть на наш импровизированный экран и теперь часто поглядывает на меня. Я вижу это боковым зрением. Голову не поворачиваю в его сторону, хотя очень хочется. Поймать его с поличным, так сказать. Будет ли он отнекиваться и искать оправдание? Или продолжит

так же изучать мой профиль?

– Вкусно?

– Арбуз очень вкусный, а вот виноград немного кислит.

– Извини.

– Ой, это ты извини. Наверное, надо было соврать, что все прекрасно. Прости. Вино достойное, вот...

– Лучше иногда молчи...

Он отворачивается от меня и теперь все внимание на фильм. Там какие-то джунгли, животные и, конечно же, шикарный мужчина, который пытается спасти красотку из рук бандитов.

– Иногда я правда болтаю очень много. Но так было не всегда. Был момент, когда я молчала. Наверное, так я компенсирую все те месяцы, – говорю тихо. Даже надеюсь, что он меня не расслышал. С незнакомцем не надо делиться такими воспоминаниями. Они обо мне. Реальной мне и моей жизни, а не о какой-то там Маше.

– Это как-то связано с заиканием?

Сглатываю. Он все понял. Тогда в номере, когда прислонился ко мне и обжигал дыханием, а в воздухе я чувствовала восточные специи. Эта была корица или мускатный орех. Что-то жгучее, но приятное.

– Да.

– Ты испугалась ведь меня. Я это видел. Почему? Неужели таким страшным тебе показался?

– Нет, – я улыбаюсь. Он даже представление не имеет, ка-

ким теперь красивым я его вижу, – ты... обнимал меня со спины. Так нельзя. Со мной нельзя. Я пугаюсь, когда кто-то заходит со спины, обнимает. Любое действие я воспринимаю как угрозу, и мне становится безумно страшно. Как тогда...

Подробности он не спрашивает. Но я даже рада. Не могу пока рассказать. Для этого надо быть намного ближе, чем мы есть сейчас. Удивительно, что Степе я рассказала об этом только после нашего обручения. Решила, никакие секреты не должны стоять между нами. А это секрет. Единственный, но скверный.

– Учту.

– Не поняла.

Он так же уставился на неровную простынь, где сейчас тот бандит приставил нож к горлу той красотке. Я шумно сглатываю. Картинка знакомая. И как хорошо, что она всего лишь из фильма. В жизни это выглядит более жутко. Особенно если ты еще ребенок.

– Никогда не подходить к тебе со спины. Значит, будешь сверху.

– Что? – даже опешила от его наглости.

А он только улыбается. Фильму, разумеется, а не мне. Парень освободил свою возлюбленную, и теперь они стремятся покинуть джунгли.

Мой вопрос остался без ответа. Он так и не соизволил мне объяснить странную свою реплику.

Фильм закончился. Конец был очевидным. А вот чем за-

канчивать наш вечер, я не знаю.

Когда экран потух, в холле воцарилась тишина и темнота. Мы так и остались сидеть в этих креслах. Я боюсь шелохнуться, дышу через раз и не могу посмотреть в его сторону. Но в чем я уверена, так это в том, что незнакомец сейчас смотрит на меня. Снова тепло разливается, потом кожа покрывается мурашками. Знакомая реакция на его такие взгляды.

Начинает потряхивать. Закутываюсь в платок, который так и не сняла.

– Ты так на меня смотришь, что у меня поджилки все трясутся.

– Почему?

– Не знаю. Это странно. Очень странно.

– Никогда такого не было?

– Нет.

Я не вру. Даже со Степой все было постепенно. Симпатия, легкая влюбленность, любовь. А с ними трепет и чувство окрыленности.

Сейчас все по-другому. Остро, и преследует чувство неправильности.

Он встает первым и протягивает мне руку. И я знаю, что моя ладонь утонет. Протягиваю ее, и он тянет меня на себя. Прижимает, что я своим телом чувствую все изгибы.

Пряности. Много пряностей окутывают меня. Снова остро. В этом есть какая-то мужская сила, которая подчиняет

себе, но ты рада этому подчинению.

– А так?

– Тоже все трясется, – голос низкий и срывается. Сиплым становится и неровным.

– Как думаешь, а если поцелую, что произойдет?

Поцелуй... Такой вечер должен завершиться по-особенному. Но одно это слово меня пугает. Лишь представлю, как его губы касаются моих, и душа сжимается в точку. Я не готова к ней. И не знаю, что от нее ожидать.

– Поцелуя не будет, незнакомец. Ты сейчас просто проводишь меня до номера.

Он смотрит в глаза мне, пытается прочесть и считать эмоции. Но они и так все напоказ, скрывать нечего. Если только мою симпатию к нему. Дышит часто, а дыхание жжет кожу. Меня больше не трясет от холодно, меня безумно жарко и не хватает кислорода. Душно и зыбко. Это момент, который длится лишь мгновение, но стоит включить свет и все исчезнет.

– Жаль.

Отстраняться не спешит. Только ближе наклоняется. Теперь непозволительно близко. И я не тороплюсь ругать его за это. Завороженно смотрю на его губы. И правда, манят, хочется коснуться. Интересно, что я почувствую? Они такие же нежные и мягкие как у Степана? Или нет? Я почему-то представляю их жесткими, когда они не дают тебе права действовать по-своему. Только подчинять и подавлять.

Да, все-таки хочу, чтобы он коснулся их, поцеловал. Иррациональное желание.

Встаю на носочки.

Свет включается резко. Мы одновременно щуримся и смотрим в сторону неожиданных гостей.

– Какого...

Толкаю его в бок, он даже не шевельнулся от этого резкого движения. Да, мой незнакомец точно может быть дерзким.

Но момент разрушен. Он ведь был зыбок и рухнул от одного щелчка.

В холле стоит пожилая пара, в руках у них небольшие сумки. Сами они уставились на наш импровизированный спектакль. Женщина недовольно скривила губы, стала похожа на торговку, а мужчина просто помотал головой из стороны в сторону.

– Я надеюсь, вы тут все уберете? – регистратор, та же, что была и у нас, начала цокать языком. Звук противный и мерзкий. Обходит все и проверяет. Особое внимание проектору, – с ним же все в порядке? За любую сломанную деталь будете отвечать. Уж я постараюсь.

– Все цело и невредимо, уж поверьте. – Незнакомец жутко недоволен. Чувствую напряжение в воздухе и волны гнева.

– Идем, – первая беру его за руку и пытаюсь увести с этого поля боя.

Ваня сам снимает простынь, резко выдирает ее, когда край застревает, рвет полотно.

– И за это тоже ответите. Напридумывали тут. Устроили ресторан. Это вам в другое место надо было идти.

Я аккуратно складываю фрукты в одну тарелку, вино закрываю пробкой. Оно так и осталось не выпитым.

Поднимаемся молча на второй этаж. Он первый открывает дверь и хочет забрать тарелки у меня из рук, но не отдаю.

– Фрукты не дам. На завтрак люблю их есть. А вот вино – пожалуйста, – я стараюсь разрядить обстановку, что накалилась до предела там внизу. Но незнакомец непоколебим. Смотрит в одну точку и старается сдерживать себя. Глаза – грозное небо.

– Ну все, они остались внизу, мы тут. Ничего страшного не случилось, – глажу его плечо.

– Не люблю, когда мне указывают что делать в таком повелительном тоне словно какому-то мальчишке.

Маленькая потайная дверца приоткрывается, передо мной уже не просто незнакомец, а человек, который раскрывает свои секреты.

– Тебе понравилось?

– Очень. Мне никто такого раньше не делал. Из обычной я стала особенной.

– Но не перестала быть странной, – первая улыбка. Думаю, это моя заслуга.

Ваня теревит край моего платка, рассматривает его.

– Я так понимаю, поцеловать тебя не удастся сегодня?

Отрицательно мотаю головой.

– Что ж, – я отступаю. Делаю два маленьких шага и спиной упираюсь в дверь своего номера. Незнакомец так и остался стоять у своей комнаты. В его руках еще край моего платка, он нас соединяет.

– Нравится? Могу подарить. Как память об этом вечере.

– И несостоявшемуся поцелуе...

– О нем тоже. Может, ты и не узнаешь, какие мои губы на вкус.

– Уверен, что сладкие. Как виноград.

– Он был кислым.

– Значит, и ты с кислинкой.

Открываю дверь и делаю еще два шага в свою комнату. Незнакомец стоит и не шевелится. Только стягивает с меня мой же платок. Накручивает его на кулак, но взгляд прикован ко мне, скользит по оголившимся плечам, спускается к груди.

– Спокойной ночи, мой незнакомец.

И закрываю дверь перед его носом. Он все-таки сделал свои два шага в мою сторону.

Глава 11. Она

На завтрак спускаюсь, словно я птица – парю и летаю. Настроение хорошее, даже вредная регистратор, которую встретила на пути, не смогла испортить мне настроение.

В столовую захожу не одна. За мной идет та пожилая пара, которая нарушила наше уединение с незнакомцем вчера. Женщина шепчет что-то на ухо своего мужу, или ухажеру, кто он ей приходится, не знаю, и смотрит в мою сторону. Странные они, ведь ничего такого вчера между нами не было, просто касания, от которых до сих пор тепло и нежно внутри. А вспоминая его губы, до которых так и не дотронулась, улыбка растягивается. В душе весна. А прошлое, то зимнее и холодное, осталось в другой жизни.

Незнакомец сидит ровно на том месте, что и вчера. В руке телефон, он очень быстро на нем печатает. На подносе тарелки с тем же омлетом, горошком и парой сосисок. Морщусь от того, что мне предстоит тоже самое, но следом снова улыбаюсь – в номере у меня осталась тарелка фруктов. Может, следует пригласить незнакомца?

Кладу уже известный набор продуктов. Ноги приросли к полу, я не знаю, куда мне податься. Сесть за другой столик и не отвлекать или подойти к нему и поздороваться? Мечусь, как загнанная в ловушку мышка. Трусливая, знаю. Я ухожу в сторону, на то место, с которого наблюдала за ним вчера.

Ковыряю вилкой уже сморщенный омлет. Один кусочек все-таки отправляю в рот. Жуткая субстанция желтого цвета и непонятного вкуса. Кофе тоже оставляет желать лучшего.

Незнакомец меня не замечает. Хотя нет, пару раз взглянул в мою сторону и снова уставился в свой телефон. Будто меня и нет совсем. Пустота.

Это задевает и трогает. Я не понимаю, почему? Что я сделала или сказала не так? Может, обидела чем? Но вспоминная вчерашний вечер, наше с ним прощание, я не нахожу ни единой причины. Если только мой отказ провести с ним ночь. Но это глупо, по-мальчишески глупо. А он... Нет, он не такой.

Ерзаю на стуле, кусок в горло не лезет от бестолковых переживаний. Нагнетаю себя попусту.

Беру поднос в руки, набираюсь смелости и подхожу к его столику. Ваня бросает на меня короткий, даже небрежный, взгляд и утыкается в телефон. Там очевидно что-то более важное и интересное.

– Привет. То есть доброе утро. Как спалось? – мой голос немного дрожит. Я волнуюсь, что могу услышать грубость в свой адрес.

– Привет, – коротко и по-существу. Все его речи и монологи такие.

Молчит, а я стою с этим дурацкий зеленым подносом. Переминаясь с ноги на ногу, желание присесть огромное, а он и не замечает этого, просто игнорирует мое присутствие.

Невоспитанный незнакомец.

Приходится сесть без разрешения. Плюю на его зону комфорта и на неотложные дела. Наверное, ими он занимался, раз не соизволил даже поприветствовать и помахать рукой.

– Я тебя чем-то обидела? Ты скажи. Не люблю чувствовать себя виноватой. Вообще обиду не люблю. Можно целыми днями так ходить, ходить. От этого грустно и печально.

Вздыхает. За вчерашний день я поняла, что Ваня не любит болтливых. А я жуткая болтушка. Молчание не люблю и пытаюсь всегда заполнить эти паузы. Часто они бывают неловкими. Вот как сейчас. Руки подложила под бедра, немного сторбилась, а сама изучаю его. Снова. Сегодня он строгий. Взгляд холодный, даже расчетливый.

– С чего ты взяла? – осанка у него ровная, а жесты уверенные. Снова телефон, сообщения, в руках чашка кофе. Делает глоток, противно морщится и ставит ее на место. Никак не комментируя, что на языке у него сейчас вкус разбавленного плохой водой цикория. Думаю, это он и есть, но его выдают не кофе.

– Ну, ты сидел отдельно. Молчишь. Даже не сказал первым привет. Просто меня игнорировал. Меня это задело и... Я думала после вчерашнего наши отношениях немного изменились. Ждала хоть какого-то знака приветствия.

Ваня смеется после моей обвинительной речи. И это заводит в тупик еще больше.

– А еще говорят, что женщины не предсказуемы, – незна-

комец говорит это тихо, но у меня очень хороший слух, чтобы это не услышать. – Я ведь тебе нравлюсь, да, Маша?

Перестаю на миг дышать. Боже, как он понял? И хочется признаться, и страшно. А еще так сумбурно все, непонятно. Он мне симпатичен и хочется его узнать, потрогать, да что там, поцеловать его хочу. Но торможу, сама себя останавливаю. Как я посмотрю на себя в зеркало, если спустя месяц могу думать о другом?

И признать его правоту страшно. Если он посмеется? Для того, чтобы почувствовать себя еще более разбитой и ничемной, только этого и не хватает.

Поэтому теперь молчу я. Не признаюсь. А там пусть решает сам. Раз он такой догадливый и прозорливый.

– Ладно, мне пора ехать, – дыхание останавливается во второй раз. Терять не хочу его. Слишком рано. Ничего не успела даже о нем узнать.

– Куда? – вскакиваю со своего стула и смотрю во все глаза на него.

Он щурится и снова смеется. Мне нравится его смех.

– Хочешь со мной? – вскидывает брови, а я готова согласиться, даже не выясним конечный пункт его назначения. Какая же я дуручка. Слепо готова поверить незнакомцу. – Огорчу, дороги еще нормально не расчистили, мы до сих пор в снежном плену. Но вот до магазина доехать можно. Вообще, по городу, по центральным улицам можно прокатиться. Приглашаю, – дарит улыбку и подмигивает.

– Да, я сейчас, – срываюсь за ним. Незнакомец уже вышел из-за стола. На его подносе еда осталась нетронутой, как и на моем. Только пара глотков кофе, который уже хочется поскорее чем-то запить.

Надеваю джинсы и свитер. Поверх короткую куртку. То, в чем я и приехала. Думать о привлекательности образа нет уже времени. Я боюсь, что незнакомец не дожидется меня и уедет. Спускаюсь в холл первого этажа быстро. Пару раз перепрыгивала через две ступеньки.

Ваня стоит у большого окна. В руках тот же телефон. Он с кем-то общается. Боюсь представить, если это все-таки его девушка или знакомая, с которой он иногда видится. Любовница, иначе говоря. Замедлила ход, чтобы вслушаться в разговор, который точно мне не предназначен.

– Илья Михайлович, я не вижу там такой проблемы, с которой бы не справился рядовой айтишник. Ну, серьезно. Просто ошибка, компьютеры иногда дают сбой, так и передайте. Я правда не вижу целесообразности мне выезжать. Я пока доеду за Москвы, там Антоха быстро разберется.

На том конце ему что-то говорят. Слышу только интонацию и тон. Приказной, громкий. Он точно раздает приказы, не меньше. Под таким началом я бы не смогла работать. А незнакомец слушает спокойно, пальцем проводит по подоконнику, находит пыль и недовольно кривит лицо.

– Я услышал Вас, Илья Михайлович. Но смею напомнить, что я в отпуске, на несколько дней. Если хотите, чтобы я

разобрался, вызывайте приказом, – Ваня не уступает в жесткости и уверенности своему собеседнику.

Тот ему что-то еще говорит. Коротко, но я делаю вывод, довольно ясно. Ваня кладет трубку и только потом замечает меня.

– Готова? – окидывает меня взглядом. По спине разбегаются мурашки. Невольно чешу ладонь. Нервничаю. На голове бардак, только успела, что причесаться и сделать кое-как любимую гульку на макушке, на лице, понятное дело, нет косметики, лишь бесцветный бальзам для губ. И все. Наверное, я отличаюсь от той, вчерашней Маши.

– Да.

Его машина рядом с моей. Черный Лексус, немного заметен снегом, конечно. Моя же полностью превратилась в сугроб. Ее бы начать очищать потихоньку. А лучше попросить помощи у моего незнакомца. Одной справиться трудно.

– Твоя? – он указывает на тот сугроб, из-под которого видны красные металлические детали.

– Моя. Красненькая...

– Ну, дальтонизмом не страдаю.

– Поможешь почистить? Потом?

– А ты мне что?

– В смысле?

– Ну я тебе помогу машину от снега почистить, а ты?

– А я... допустим, поцелую тебя?

– Как? И куда?

– Что значит куда?

Он останавливается с щеткой в руке, так и не дочистив стекло, и уставился на меня хитрым взглядом. Уголок губ идет вверх. Это не просто улыбка, я поняла. Это особенный жест, который завораживает своим действием и заставляет делать все, что захочет ее обладатель. Хитрый ход хитрого незнакомца. Но я это поняла.

– Поцелую в губы. Ты же это вчера хотел?

– Ну, не только.

– Так что? Договорились?

Он думает несколько секунд, а потом соглашается. Сама еще не понимаю, на что подписалась. От волнения вся дрожу, и хочется согреться. Чтобы он меня согрел.

Машина высокая, но даже так мы едем еле-еле, и пару раз колеса все-таки забуксовали. Не представляю пока, как буду выезжать на своей машине. Дороги – одна сплошная колея. Любое неверное движение руля, и можно улететь в сугроб. А оттуда уже только с чьей-то помощью. Много ли здесь людей, которые готовы помочь?

Мы проезжаем площадь города. Здесь все, как и в других небольших городах страны: администрация, флаги, аллеи с фонтаном. Летом, я предполагаю, здесь гуляют много мамочек с колясками.

Потом сворачиваем направо. Перекресток небольшой. Слева вижу старое здание. Но вывеска относительно новая. Кинотеатр, даже висят афиши, загнутые края которых тоже

в снегу. Парк, многоэтажки, круглосуточные магазины.

– Ты хорошо ориентируешься в городе, да?

– Да.

– Ты здесь уже бывал?

– Да.

– Много раз?

– Да. – Как всегда односложно отвечает незнакомец.

И я замолкаю. Просто изучаю город. Он обычный, наверное, такой же как сотни по стране. Обычный. Что вообще это значит? Все равно же есть люди, которые его любят. Неважно за что, просто любят. Получается, обычных тоже можно любить. Незнакомец сказал, что я обычная. Меня же можно полюбить? Когда-нибудь? Я хочу, очень хочу, чтобы меня полюбили.

– Ты сегодня другая.

– Какая?

– Более молчаливая что ли...

– Из твоих уст это звучит как комплимент, – незнакомец быстро мажет по мне взглядом и снова уставился вперед, на дорогу.

Едем молча, когда каждый думает о своем. Меня разрывает от любопытства: почему так хорошо знает город, что он делал здесь ранее и как вообще связан с этим городом.

– Я родился здесь и вырос, – поворачиваю голову влево. Ваня следит за дорогой, его голос грустный, но даже так мне приятно, что он хоть чуть-чуть рассказывает о себе. – Учил-

ся вон в той школе, – мы проезжаем типичную двухэтажную постройку. Там большой задний двор и большой главных вход. – Видишь за школой небольшие строения? Это гаражи. Мы с парнями часто прятались там, сбегали с уроков, рубились в игры. Домой же нельзя было прийти раньше положенного.

– Ты был хулиганом?

– Нет.

– А кем тогда был?

– Трудно сказать. Скорее просто мальчишкой, который сам себе на уме. Меня не интересовала обычная школьная жизнь, тусовки. – Мне нравится его слушать, от тембра его голоса мурашек становится только больше. Разбегаются в разные стороны и не готовы подчиняться своей хозяйке.

– А что интересовало?

Ваня снова замолчал. Мы уже проехали его школу и те гаражи. Впереди вижу большой торговый центр. Для этого города конечно же большой. Там всего три этажа и много вывесок. Среди которых и название магазина. Я знаю, что мы остановимся сейчас именно там.

– Компьютеры. Мы с Михой из параллельного класса организовали даже свой кружок. Ну или общество, как правильно сказать то не знаю. Это был десятый класс, а я мог разобрать и собрать компьютер с закрытыми глазами. Утрирую, конечно, немного. Но это так.

– Уау! Это очень круто.

– Может, тогда ты был ботаником, раз такой умный?

– Ну точные науки я понимал, а вот с гуманитарными полнейший провал.

– У меня наоборот. Я в математике полный ноль, но вот литература, история...

Ваня тормозит резко, это сбивает с мысли. Я только разговорилась сама и разговорила своего незнакомца. Не хочу сейчас останавливаться и выходить. Не время. Но Ваня меня и слушать не станет. Он сдал назад и припарковал машину на только что освободившееся место.

– Выходим! – приказывает он. Уверена, дверь не откроет и руки не подаст, грубый технарь.

В здании мало народа. Все сидят дома и ждут, когда коммунальные службы расчистят не только дороги, но и тротуары. Хоть как-нибудь. Пройти по протоптанным дорожкам все равно проблемно.

Я иду следом за Ваней. Хочется, чтобы он взял меня за руку. Так я буду чувствовать себя уверенней. Но попросить боюсь. Трусливо иду след в след.

Мы расходимся по магазину. В моей руке маленькая корзинка. Я на самом деле не знаю, зачем я здесь и что мне нужно купить. Завтра утром я планирую выезжать. Пока не понимаю как, но просто обязана это сделать.

На глаза попадают какие-то каши, которые станут съедобными, если разбавить их водой. Беру упаковку и кладу в корзину. Все лучше, чем безвкусный омлет. Упаковку сока,

пару бутылок воды.

Прохожусь вдоль рядов, чтобы отыскать Ваню. Его нигде нет. Не мог же он уехать без меня.

– Я тебе говорила, чтобы даже не думал оставаться.

– Ты давно должна была понять, что я тебя не слушаюсь.

– Мне вчера звонила Ксения, – от этого имени все мышцы напрягаются, губы сжимаются, нелюбовь к человеку с таким именем сквозит в каждом моем вздохе. – Я так понимаю, это ты ей пообещал быть там?

– Да.

– Ты там лишний, неужели не понимаешь? Милая девочка устраивает свою жизнь, там не тот круг, с которым тебе следует общаться. Не порть ей репутацию.

Я показываюсь из-за угла. Молчать и стоять в стороне больше не могу. Иду быстро, хоть и корзинка тяжелая в руке. Ваня не замечает меня. А вот эта женщина окидывает недовольным взглядом, в котором так и сквозит презрение и брезгливость.

Подхожу к Ване и сама беру его за руку. Он не убирает ее, а ведь я этого очень боялась. Просто слегка сжимает, и это не остается незамеченным.

– Так ты еще и не один, – ей остается только сплюнуть.

Женщина некогда была очень красивой. Правильные черты лица, красивая форма губ, но сейчас они покрыты продольными морщинами, в которых забила ярко-оранжевая помада. Волосы спрятаны под шапкой, и я не могу узнать их

цвет. Но мне кажется они светлые. Она красится в блонд. Выжженный, похожий на солому.

Вот только когда человек злится, кривит лицо в гримасе злобы, то и сам становится страшным и неприятным. Как она сейчас.

– У тебя все? – он обращается к этой женщине.

– Ты всегда поступал так. Думал только о себе. Мы с Игорем...

– Вы с Игорем думали только о себе. А я так, просто прицеп с прошлого брака. – Ваня уводит меня к кассам. Там очереди нет. Быстро расплачивается за продукты, и мои тоже. Идем к машине спешно, я еле-еле поспеваю за ним. Только чувствовала, как спину прожигали чем-то жгучим и тяжелым. Так проклинаяют.

Та женщина стояла у входа в магазин и смотрела на нас исподлобья. Мне надо бы указать на это Ване, но не решаюсь. Это влезать не только в чужую жизнь, а в чужую душу.

Выезжаем быстро, насколько это возможно при данной погоде. Машину трясет, несмотря на ее большие размеры и хорошую подвеску. Но Ване все равно, взгляд такой же тяжелый, как и у той женщины. И глаза у них были одного цвета – темного и опасного. От него прячешься, как от грозы летом.

– Это...

– Это моя мать. – Он отрезал слова. Они горькие, как польнь.

– А отец? У тебя есть отец?

– Давно живет своей жизнью. Последний раз я его видел, когда учился в школе. Мне лет десять было, тогда он от нас и ушел. Вот в тот день и видел.

– Это все очень печально.

– Я привык.

– Мне кажется, к этому нельзя привыкнуть. Каждому человеку нужна семья.

– Когда выбора нет – привыкаешь. А семья... это просто люди.

Повисло молчание. Оно осязаемое. Я слышу наше дыхание. Не хотелось бы, чтобы наша такая короткая поездка закончилась на таком миноре.

К гостинице мы подъехали быстро. Ваня объехал главные дороги, рискуя застрять на второстепенных тропах. Не знаю, кого или чего он избегал, но явно хотел уже скрыться в четырех стенах своего номера.

– Ты обещал мне помочь с машиной, незнакомец!

– Что?

Ваня и мысленно уже не со мной. Может, решает какие-то задачи у себя в голове. Приоткрыл свои секреты и сразу же замкнулся.

– Машина, снег, поцелуй, – играю бровями и провоцирую. Мне хочется снова увидеть того незнакомца, который вчера был со мной.

– Ты ведь не отстанешь, да?

– Не-а!

Ваня и правда мне помог. Ловко справился с таким количеством снега. А я просто стояла и наблюдала. В руках ни разу не держала ни щетки, ни лопаты – все он, странный и загадочный незнакомец Иван.

Он подходит вплотную ко мне. Куртку снял и кинул на сиденье – стало жарко. Я наблюдала за каждым его движением. Они завораживали, даже гипнотизировали.

Аромат специй отчетливо чувствовался. Так близко, что хочется бежать. А еще вдыхать его, вдыхать. В носу щекочет от этой остроты.

– Ну? Жду награду.

– Прямо вот так?

– А как надо?

Я встаю на носочки и тянусь к его губам. Ровно так же как и вчера. Манят меня. Но сейчас они не кажутся жесткими. Вчера просто была иллюзия. Они мягкие и нежные, я уверена. Скольких женщин он целовал, а сколько отдавались ему? Странные мысли бродят в моей голове, но поток не остановить. Он дает мне силы просто двигаться дальше. Я живу дальше. И мне нравится, как разворачивается моя жизнь.

Я касаюсь слегка его губ. Примыкаю. Кожа горит в местах соприкосновения, на кончиках пальцев скапливается напряжение, руки подрагивают, но я обхватываю его плечи, прохожусь вдоль и смыкаю на крепкой шее.

Это первый поцелуй после моего расставания со Степой. И он чертовски сладкий.

Незнакомец не стал ждать. Просто разомкнул мои губы своим языком и ворвался. Вкус приятный. Тепло и жгуче. Вкус корицы на языке и томление внизу живота.

Он действует мягко, но уверенно, словно не раз это делал. Знает, что нравится девушкам. Захватывает нижнюю губу и слегка посасывает, а потом отпускает и снова сплетается с моим языком. А я готова повторять ровно те же действия, один в один, чтобы запомнить.

– Здесь недалеко есть ресторан. Немного советского типа с русской кухней. Так было несколько лет назад, по крайней мере. Давай сходим?

– Это свидание? Второе?

– Мне больше запомнилось первое.

– Первое?

– В постели. Ты пахла елочкой.

– А ты не оставляешь мне выбора.

– Ну так что? Пойдешь?

– Я согласна.

Глава 12. Она

До ресторана доезжаем на такси. Тут и правда близко, но Ваня сказал, что пешком по таким дорогам лучше не ходить.

Здание старое, как и все в этом городе. Серый кирпич и большая вывеска. Название “Рапсодия” написано курсивом. Одна буква задорно мигает.

Внутри довольно уютно. Столики с белыми скатертями, небольшой помост – сцена и длинные темные портьеры. Но в зале пусто. Только два официанта стоят у бара и переминаются. Посетителей в эту погоду, подозреваю, нет. Только я и мой незнакомец.

Ваня касается моей спины, слегка подталкивая вперед, и предатели-мурашки разбегаются вдоль позвоночника. Дыхание перехватывает, и я подавляю улыбку, чтобы раньше времени себя не выдать. Но до чего же хорошо сейчас.

– Да, меню не менялось годами, – он шустро бежит по строчкам, пролистывает плотные глянцевые страницы и поднимает свой взгляд на меня. А я не смотрела в меню. Я смотрела на него. – Что?

– И что тогда посоветуешь?

– Возьми традиционный цезарь. Если повар здесь остался прежним, то салат должен быть вкусным. А еще мясо по-французски.

– Ты же говорил, что это ресторан русской кухни.

– Да, поэтому цезарь заправлен майонезом, а из мяса по-французски от французов только название.

На мне вчерашнее платье, хотя никогда на свидание одно и то же не надевала. Сейчас исключение. То и дело поправляю его и смахиваю несуществующие пылинки. Мне одновременно и спокойно сейчас с ним, и волнительно.

Такое состояние давно не испытывала. Это и правда похоже на знакомство, на свидание. Когда только-только узнаешь совсем другого человека. Пытаешься быть ненавязчивым, скромным, скрыть часть своих привычек.

Но мой незнакомец ведет себя обычно. Ровно так же, как и все эти два дня. Уверенно, вольготно и до дрожи обворожительно.

– Вино? – он смотрит на меня, а в руке уже открытая бутылку белого.

– Пожалуй, – Ваня забирает у меня мой бокал и наполняет его солнечного цвета вином.

Делаю сразу два глотка, чтобы тепло разлилось по телу и чувствовалась легкость и уверенность. Голова еще сохраняет ясность, но все вокруг будет казаться с привкусом волшебства.

– Так странно, я не планировала сворачивать в этот город, так уж вышло. И в тот момент переживала, что неизвестно сколько и как проведу дни здесь. Что за город, что здесь за люди? Я не очень люблю незнакомую мне обстановку. Начинаю нервничать, психовать. В таком состоянии все начинает

валиться из рук, и ничего не получается, что задумала. А потом... появился ты. – Говорить стараюсь медленно, но мало получается.

– Это способ поблагодарить меня?

– Это просто маленький рассказ о том, как я здесь оказалась, – Ваня делает небольшой глоток вина и кивает в знак того, что понял. Без комментариев, вопросов и восклицаний. Отворачивается в сторону окна и просто наблюдает.

Не могу его понять. Иногда он раскрывается, рассказывает какие-то мелочи о себе. Совсем чуть-чуть, но внимаешь этому, потому что является самой ценной информацией. А потом мозг сам достраивает полную картину. Она может отличаться от реальности, но вот такое у меня видение.

А иногда он молчит, слушает мою болтовню, морщиться от того, как я тараторю. И смотрит, смотрит куда-то. То вдаль, то на проходящих мимо людей. Он мысленно не со мной. И это задевает.

– Может, расскажешь что-то про себя? Я же рассказываю.

Быстрый взгляд на мои губы и шумный вздох. Еще немного, и я подумаю, что тупо навязалась ему, хоть и пригласил он меня сам. Странное ощущение.

– Ну то, что я из этого города, ты уже знаешь. А остальное... Так ли это тебе важно? Мне вот нравится загадочность в нашем с тобой знакомстве, Маша.

– Куда ты поедешь после того, как выберемся из города?
Ваня задумался. Долго так. Захотелось повторить вопрос.

– Есть одно место, где я обещал быть.

Холодно так сказал, что больше я расспрашивать не рискну. Хоть и хочется.

– Ты знаешь, а я тоже. У меня есть план, – вино понемногу начинает развязывать язык. Даже той, кто готов и так выболтать все свои секреты и тайны, – наивный, детский даже какой-то. Но я поддаюсь этому импульсу. И вот...

– Какая же ты все-таки болтушка.

– Это ты так комплименты говоришь, я поняла. – Решаю поиграть.

– Нет, – немного брезгливо ответил, быстро. Ни секунды не думая.

– Ты никогда не говоришь комплименты? Женщинам?

– Иногда приходится.

– Мы любим их, комплименты. Очень. Самый необычный в копилке, это сравнение меня с солнечным затмением, – прикрываю глаза, вспоминая, как Степа на одном из свиданий сказал это. – Могу обжечь, если со мной не быть осторожной, – а потом был поцелуй. Невинный, теплый. Но сейчас от него только воспоминания. И что странно, ни капли сожаления, что он остался в прошлом.

– По мне, так себе, – незнакомец морщится. Откусывает кусок мяса и отправляет в рот. Сейчас он сосредоточен на еде.

– Ты чего? Это же так красиво, – пытаюсь переубедить, но он скала – не сдвинуть! – Это же такое красивое явление.

Попробуй и ты сказать мне что-то хорошее. Ну? – Кажется, давлЮ, наседаю.

– Хорошее... – но вот Ваню это похоже не смущает, – ты как радио, которое забыли выключить.

Моя улыбка сползает с лица. Это что еще такое было?

– Прости, – незнакомец начинает смеяться, – Ладно, ты как сладкий новогодний подарок, – он слегка смущается.

– Почему? – становится интересно. У него вообще очень интересные мысли, – ну, ты пахнешь елочкой и сама вся сладкая и желанная.

Улыбается теперь победоносно, словно выиграл джекпот. И глаза сверкают, в них играет множество бликов. Взгляд бродит по открытым участкам моего тела. Смущаюсь от его наглости. Но снова покрываюсь мурашками. И это чувство приятное.

Вино пьянит, особенно на голодный желудок. Все чувствуется острее, а границы становятся тоньше на порядок. Ваня тоже захмелел. И теперь болтает о всякой ерунде.

Мы обсуждаем музыку, концерты, на которых я была несколько раз, а Ваня всего лишь один в своей жизни, но запомнил его надолго. Он не смыслит в современном кино и сериалах. Предпочитает старую добрую классику.

– Звездные войны!

– Это про что?

– Кто ты, женщина? И откуда ты? – мы смеемся оба, закатываем глаза параллельно, будто копируем жесты друг друга

как в зеркале, – это же культовый фильм. Это же... Это.. Как “Секс в большом городе” для вас.

– Вот! А говоришь, ничего не понимаешь. Знаешь, а я ведь тоже умею говорить комплименты, – хочется пересесть к нему ближе, провести рукой по сильному плечу, а потом снова обхватить шею, запустить пальцы в волосы и разгладить его волнистые пряди, что уложены назад. Так и манят магнитом. На вид они такие мягкие, что срочно нужно в этом убедиться.

Я делаю ровно то, что и проигрывала у себя в голове. Вино мне в помощь. Встаю со своего места и сажусь рядом с ним. Он смотрит на меня и не моргает. Только уголок губ тянется вверх. Очаровывает и поражает, уже знаю.

Провожу рукой по плечам, обхватываю шею. А потом цепляю прядь волос. Она немного выбилась из его челки. Я накручиваю ее на палец. Волосы мягкие, как я и думала. И пряности, как воздушное облако, окутывают меня.

Мои руки живут отдельно, мысли тоже. Я смею с каждым глотком. Хочется большего.

– Ты как хороший и добрый фильм. В плохую погоду можешь порадовать, в непроходимый ливень – поднять настроение, а если одиноко, то ты просто будешь рядом со мной.

Смотрю в грозные глаза. Они сейчас безумно красивые. Как и он сам. Неужели я могла подумать, что он просто симпатичный и милый? Ошибалась.

– Спасибо, – Ваня откашлялся, – Признаться, такого мне

еще никто не говорил.

Он берет мою руку, которая остановилась на его предплечье, слегка сжимает. Импульсы исходят от его кончиков пальцев по моей ладошке. Покалывают как пузырьки газировки. Я даже слышу приятное шипение.

– Поехали, – командует. Даже не спрашивает. А я только хихикаю.

Такси подъехало быстро. Оно словно ждало нас у входа, чтобы отвезти обратно в гостиницу.

Ваня не отпускает моей руки, а я не спешу ее забирать. Мне приятно, в голове образы того, что будет происходить потом. Мне и хочется этого, и до дрожи страшно. После мужчины, которого любила всем сердцем, отдаваться другому страшно.

До номера идем тихо, аккуратно, насколько это можно делать в таком состоянии. Ваня то и дело прижимает меня к себе. Или к стене между первым и вторым этажом. Целует сразу страстно, даже нагло. Но уже это не смущает. Свою грань в голове я уже перешла, когда положила свою руку в его.

Вкус его языка мне нравится. Острая пряность, что покалывает и заставляет желать большего. Мужская сила, которой подчиняешься. Она такая безумная. Голова идет кругом.

И огненные касания, как языки пламени. Мне жарко, хочется снять уже это платье. Оно – преграда.

– Черт, дурею.

– Скажи это еще раз, – низкие ноты моего голоса, хриплые

такие. Возбуждающе приятные.

– Дурею!

– Еще!

Он снова накрывает мои губы в поцелуе. Чувствую, как языком очерчивает их границы. Становится щекотно, и я улыбаюсь.

– Надеюсь, ты понимаешь, что будет в номере. Назад пути уже нет, – целует нежно шею, мочку уха, а потому дует. Обжигает, затем холодит.

Слышим, как хлопнула чья-то дверь. Мы замерли и не дышим. Только его руки исследует меня. Грудь слегка сжимает, а я давлю в себе стон, чтобы нас не услышали. Горячая рука опускается к животу, очерчивает пупок. Кожу приятно жжет.

Опускается к бедру и задирает подол платья. Проходит вдоль бедра, сжимает ягодицы. Крепко, до легкой боли. И осталось только кончиками пальцев коснуться кромки кружевных трусов, и я уплыву.

– Все, не могу больше.

И на руках несет в мой номер.

Глава 13. Она

В номере темно, только тусклый свет фонаря падает на кровать. Мы не разъединяемся ни на миллиметр. Наши руки изучают тело другого. Незнакомого, но такого желанного.

Ваня водит обжигающей кожу ладонью вдоль бедра. Движения ненавязчивые, но уверенные. Ласкает меня. Поднимается выше и сжимает ягодицы.

Падаем на кровать, и я чувствую его вес на себе. Воздух выбивает из легких. Я жмусь к нему всем телом, глубже вдыхая аромат специй. Он такой острый, что просто опасно находится рядом. Только меня это не страшит. Наоборот, очень возбуждает. Это просто ощущение запредельного риска.

Аромат кожи терпкий. Хочу попробовать на вкус. Это что-то мужское и дикое. Пахнет дикостью. Сама уже дурею от этих эмоций и ощущений. Кроет меня, топит.

Толчок в рот, и снова специи. Новая доза, что сильнее и острее предыдущей.

Жмурюсь.

Не думала, что чужой для меня мужчина может так влиять на мое состояние. Любое его слово, движение, и я в его власти. Покорная незнакомка.

– Вань, Вань... Стой. – Торможу его. Перед глазами туман, в голове сумбур. Теряюсь.

– Что? – Он целует меня там, где открытая, оголенная ко-

жа. Она искрит и горит.

– Подожди...

Он нехотя отстраняется от меня. Недовольство чувствуется, ведь у него забрали его новогодний сладкий подарок. Понимаю, что в моих руках сейчас власть. От моего слова зависит многое.

Ваня наклоняется ко мне медленно, зрительный контакт не нарушает. Взгляд темный. Там не гроза, а целый ураган. Он может снести все на своем пути. И я буду первой.

– Мне тяжело вот так просто... я долгое время была только с одним мужчиной. Он был всем для меня. Единственный, неповторимый. Самый лучший. Его руки, его губы. Он весь был моим. Совершенным.

Тороплюсь, шепчу эти слова даже не думая. Они могут ранить незнакомца. Но я их говорю, потому что они рвутся наружу. Режут острием и оставляют следы.

– Ты сейчас о своем идеальном и совершенном бывшем совсем другому мужчине рассказываешь. Когда мой язык побывал в твоём рту. А руки еще немного, и залезут в трусы, – он шипит мне на ухо. Сейчас он самый опасный и ядовитый змей, – чтобы ласкать тебя и доводить до оргазма.

– Прости, прости, – ладонями обнимаю его лицо. Он сердится. Сердце сжимается от такого взгляда. Мои слова задела его. – Мне.. сложно...

Он слегка касается моих губ своими. Пробует. Не проникает. Его губы уже знакомы, а его вкус мне нравится. Но

незнакомец не спешит. Дает мне время привыкнуть к нему.

Открываюсь навстречу. Это боязно делать первый шаг. Обхватываю его ногами и льну. Тело потряхивает. Губы приоткрываю и впускаю его язык.

Я уже не пьяна от вина, сознание понемногу возвращается. Но я все еще не в этой реальности.

– Если ты даже в мыслях будешь с ним, я это почувствую. Знаешь ведь?

– Не буду. Обещаю, что не буду.

– Тебя буду трахать я, понятно?

– Да, – грубый тон, пошлые слова заводят. Никогда не думала, что такое возможно. Я всегда любила нежность и ласку, чтобы задыхаться и идти по этому краю. Но не сейчас.

Он впивается в меня жадно, влажные дорожки из поцелуев по телу. Прокладывает путь. Наслаждаюсь я, наслаждается он.

Платье снимает быстро. Он знает, как это делать. Ни одной заминки и задержки. Лифчика нет. В этом платье он лишний. Незнакомец ласкает грудь, вбирает по очереди соски в рот. А меня простреливает молниями. Их тысячи. И каждая такая мощная, что вспыхиваю мгновенно.

Задыхаюсь от этой горячей волны. Она – источник удовольствия.

Его сильные руки изучают меня. Каждую впадинку. Рисуют какие-то узоры, сжимают, надавливают. Руки – вот что главное в мужчине. Они возносятся на небеса, они дарят сча-

стье.

Но могут и причинить неимоверную боль.

Он снимает рубашку, джинсы. Идеально сложен. Завороженно наблюдаю, как перекачиваются его мышцы. И снова хочу прижаться к нему. Кожа к коже.

– Черт. Резинка...

Встает быстро с кровати. Движения рваные и спешные. Его потряхивает. Закусываю нижнюю губу в нетерпении. Где же чертова защита? Свожу ноги вместе. Там пульсирует. Хочу, чтобы касался меня. Своими сильными руками, ласкал, как до этого. Не уходил, не покидал.

Его член красивый, видно каждую венку. Они выпуклые и манят к себе, чтобы прикоснуться. Обвести сначала аккуратно пальчиком, а потом языком.

Но сейчас не смогу. Слишком открыто и порочно. Шумно сглатываю и отвожу взгляд, чтобы ничего не понял.

Незнакомец разглядывает меня, его взгляд то и дело бродит по моему телу. Прикрываюсь.

– Руки убери.

– Нравится? – говорю с придыханием.

– Неплохо.

– Что? – шутки иногда все-таки жуткие у него.

Незнакомец фиксирует руки над головой. Теперь я не могу обхватить его за шею и зарыться в мягкие волны его волос.

Смотрю в глаза, не отрываюсь, чтобы знал, что я с ним. Сейчас. В эту самую минуту только его.

Чувствую давление между ног. И если я не почувствую его член внутри, то просто сгорю заживо. Мое желание сожжет меня изнутри.

Он входит медленно, растягивает под себя. А я стараюсь дышать.

Как же хорошо! И до чего же неправильно все сейчас.

Его толчки такие же жадные, как и поцелуи. До упора, до конца. Выгибаюсь дугой, и комнату наполняют приглушенные стоны.

Острые специи теперь повсюду. Я чувствую их на языке, в носу щекочет корица, на коже ожоги от черного перца, а внутри коктейль эмоций и чувств.

Ощущение точки невозврата, когда не можешь остановить эту пульсацию внутри. Эти волны накрываю с головой, даря спасение, но и забирая воздух. Дышать сложно. Оргазм оглушает. Это безумие продолжалось недолго, но я помню каждую секунду, каждый вздох и каждый толчок.

– Ва...

– Нет! – Он зажимает мне рот рукой, я не могу произнести его имя. Но очень хочу. Он, именно он сейчас подарил мне то, что я еще в своей жизни никогда не испытывала.

Я звезда, которая взорвалась. А может, в этом взрыве зародилась сверхновая.

Незнакомец кончает следом. Всего лишь несколько толчков, и я чувствую, как напрягается его тело, каждая мышца. И сам он весь напряжен. А потом в момент расслабляется,

легкая улыбка озаряется. Уголок губ летит вверх. Прикрываю глаза и лечу.

Ваня молчит, но обнимает. Кончиками пальцев вырисовывает круги на моем плече, пока мое сознание возвращается ко мне.

Я только что переспала с незнакомцем. Спустя месяц после Степы. Меня трахал и имел тот, кого я знаю всего лишь пару суток. Загадочный, таинственный, но безумно сексуальный. И мне понравилось. Дико понравилось отдаваться ему, целовать, чувствовать его вкус и запах.

– Вань, я никогда, – откашливаюсь, голос хриплый, – никогда такого не испытывала.

– Твой бывший же был идеалом и совершенством. Что, не кончала так с ним? – его слова теперь ранят. Туман в сознании улетучился, алкоголь выветрился, осталась реальность и сухие факты.

– Нет.

Я первый раз не хочу говорить. Хочу, чтобы просто меня любили эту ночь. Дарили оргазмы и наслаждение. Я хочу быть нужной.

– Удивлен. Он же самый лучший.

– Нет. Ты...

Я не могу признаться, что он самый лучший. Он только что довел меня до моей точки невозврата. Он, он, а не Степа. Но не могу.

Получается, Васька оказалась права. Стоит мне кончить

с другим, как мысли про бывшего растворятся. Это так... больно.

– Вань?

– М?

Скрываю улыбку. Эта ночь сегодня моя. Полностью.

– Мне нужен еще один оргазм.

– Понравилось?

– Да. Очень.

Глава 14. Она

Мне казалось, что эта ночь бесконечная. Каждую мою мышцу ломит, любое движение причиняет легкую боль, а веки отказываются подниматься.

Было хорошо. Даже не так. Было восхитительно. Я никогда прежде не испытывала ничего подобного в своей жизни. Да, любовь к Степе была всеобъемлющей и безграничной, но я никогда не чувствовала себя такой счастливый и, что уж, удовлетворенной. Будто прежде и не знала, что значит, когда тебя касаются сильные мужские руки, держат, дарят наслаждение. А потом стоны и крики охрипшим голосом.

Это страшно, влюбиться в такого мужчину всего лишь на второй день знакомства. В того, кого не знаешь, и чье имя ничего для тебя не значит.

– Вань? – сиплый голос, горло дерет и першит. Нужна вода, хоть маленький глоточек живительной силы.

Ответа нет. В номере тихо. Переворачиваюсь на другой бок. Там, где должен спать Ваня. Мы ведь заснули только под утро. Зимой светать начинает поздно. И мы уставшие легли только, когда выключились фонари на улице.

Его нет, место рядом пустует. Только край одеяла откинут, а на подушке след от головы.

– Ваня? – стараюсь крикнуть чуть громче. Может, он в ванной. Но я не слышу ни звука оттуда. Словно никого там

и нет.

Откидываю в сторону одеяло и опускаю ноги на пол. Он холодный, откуда-то сильно дует. Не люблю, когда мерзнут ноги. А сейчас они леденеют с каждой секундой.

Но босыми ногами дохожу до ванной комнаты. Стучусь. Сначала аккуратно, тихо, словно боюсь разбудить.

– Вань, ты там?

Открываю дверь. Она поскрипывает. Там никого. Это темное помещение, куда не проникает ни один лучик света.

Опираюсь на косяк и прикрываю глаза. Грустно становится, печально, что я проснулась одна. После такой эйфории и радости опустили на дно обыденности и тусклости. Ведь столько ярких красок видела перед собой в самые пиковые моменты. А сейчас серо все, бесцветно.

Быстро одеваюсь в спортивный костюм. Он лежал на спинке стула: единственное, что оказалось под рукой. Сильно спешу. Руки немного потряхивает. Не понимаю, это от спешки, моего нетерпения или обиды.

Спускаюсь на стойку регистрации. Хочу узнать, где Ваня. Он ведь не мог просто так сбежать, уехать от меня, даже не сказав ни слова. Не верю и не хочу в это верить. Это жестоко. Для меня сейчас это очень жестоко.

В холле никого. Несколько раз звоню в колокольчик на стойке. Со стороны я выгляжу растрепанной невротичкой: глаза шальные и взгляд то и дело бегаёт, не останавливаясь ни на каком предмете, руки живут своей жизнью.

Противная и злая тетка подходит ко мне с недовольным лицом. Ее будто отвлекли от очень важного дела. Она цокает языком, закатывает глаза. Но мне сейчас все равно. Я на грани того, что могу нагрубить и нахамить, хотя никогда так не делала. Быть грубой это не про меня. В обычной жизни. Но теперь моя жизнь стала отличаться от рядовых дней. А все началось в вечер расставания со Степой. Будь он сейчас неладен. Все он, он виноват, что я стала такой.

– Что у вас? – ох, как она недовольна!

– Мне нужно знать, молодой человек из 69, он уже уехал?

Вы видели его?

Шумно вздыхает и растягивает время. Смотрит пристально своими светлыми глазами с ужасно подведенными веками и короткими черными ресницами.

– Не имею права разглашать такую информацию.

– Вы сейчас серьезно? Я же не спрашиваю, кто он такой.

Просто ответ на вопрос, простой вопрос: уехал или нет?

– Допустим.

Шумно сглатываю, воздух теперь ловлю ртом. Сейчас стало жутко больно.

– Давно?

И снова вздыхает. Я ведь не пытаю ее с вопросами, но чувствую себя именно таким следователем, который достанет нужную ему информацию любым путем.

– Давно. Ранним утром еще, до завтрака.

– Ранним утром... – повторяю я.

Он не засыпал рядом, не спал. Просто дождался, пока усну я, и вышел. Собрал свои вещи и съехал. Позорно, по-тихому.

– А номер... его же еще не убрали?

– Нет, конечно. Я, вообще-то, одна тут. И за регистратора, и за официанта, и за уборщицу.

Поток ее недовольства велик. Пропускаю все мимо ушей. Но очень хочется сейчас прикрыть ее рот, чтобы замолчала и не мешала думать.

– Номер открыт? Я могу туда зайти?

– А зачем вам?

Соображать пытаюсь быстро. Этому тоже учат в журналистике. Никогда не знаешь, в какой ситуации окажешься и как будешь выкручиваться. Вот как сейчас.

– Мы же в начале номера перепутала. Забыла в той комнате одну вещь. Могу подняться и осмотреть?

– Ну, зайди.

Даже не поблагодарив женщину, перескакиваю через одну ступеньку, бегу к его номеру. Не знаю, что вообще я там хочу найти. Ответы на вопросы? Записку? Его вещи, в надежде, что регистратор что-то перепутала, и он просто вышел в магазин? Глупо все это, очень глупо.

Только я открываю дверь соседнего номера. Она не заперта. И даже не скрипит. Может, если в ту первую ночь мой незнакомец скрипнул бы дверью, я проснулась.

В комнате порядок. Словно там никого и не было: кровать заправлена идеально, нет ни одного залома, в ванной

все убрано, полотенце ровно висит на полотенцесушителе, а в шкафах ничего нет. Пусто.

Только на спинке кресла вижу одну вещь. Она никогда не принадлежала ему. Потому что моя.

Тот шарф, что стянул с меня в первый вечер. Я подарила его в знак нашего несостоявшегося поцелуя, чтобы напомнил ему о проведенном вместе времени. Мне казалось это романтичным.

Беру его в руки. Шелковые нити холодят кожу, ткань скользит между пальцев. От нее еще пахнет моими духами. Я прижимаю шарф к себе и опускаюсь на кровать.

Мне нестерпимо хочется плакать.

Он оставил меня. Трусливо сбежал от девушки, которой даже не сказал свое настоящее имя.

Меня снова бросили.

Часть 2.

Глава 1. Она

До дома отдыха ехать всего ничего. Каких-то сорок километров. Может, нужно было преодолеть их в прошлый раз? Не было бы встречи с незнакомцем и такого печального для меня исхода. Снова. Грусть накатывает, и никакого просвета не вижу. На душе тоска и отчаяние.

Да, это место намного приятней будет. Тут тебе и очищенная от снега парковка, и охрана, и приветливые белл бои и девушки на ресепшене. Форма у них только интересная, похоже на костюмированную проституцию. Ну, впрочем, на какие ухищрения не пойдешь, лишь бы заинтересовать гостей.

Народу много. Понимаю, что больше половины, это приглашенные на свадьбу. Замечаю пару, с ними мы как-то обедали. У Степана были какие-то дела с тем мужчиной, кажется, что-то связанное с поставками составляющих для заводского оборудования. Он нелегально провозил важные запчасти. Волей-неволей приучила себя вслушиваться в чужие разговоры и запоминать. Журналист я или кто? А за ними две девушки. По нарядам понимаю, что это подружки невесты: одинаковые платья сиреневого оттенка и такие же прически, в волосы вставлены живые цветы. Пошло выглядит и вульгарно. Или я завидую.

Хорошо, что я забронировала себе скромный номер заранее, иначе свободной койки здесь днем с огнем не сыщешь. Еще бы, сын самого Красина женится. Грех не приехать на торжество, пусть оно и за сотни километров от столицы. До сих пор удивляюсь, неужели это такая новая мода отмечать в глуши?

Нашу свадьбу я планировала в ресторане. Там, где проходило второе свидание. Элегантно, стильно, а главное, недорого.

С родителями Степы у меня натянутые отношения были всегда. Нет, ссор не было, конфликтов, впрочем, тоже. Они никогда и не считали меня реальной невестой своего сына. Сколько шуток я услышала в свой адрес, не сосчитать. Но я так старалась понравиться им. Ведь мы же были бы семьей. А семья это главное. Но меня из этого уравнения выкинули.

– Пожалуйста, ваша карточка. Номер 169. Поднимаетесь на второй этаж, затем направо до конца коридора. Хорошего отдыха. – Девушка отдает мне плоский прямоугольник белого цвета, улыбается так широко, как будто я самый желанный приз, но глаза у нее усталые и раздраженные.

– 169? Вы серьезно?

Мне же не может так снова повезти. Эта какая-то проклятая цифра. Уж лучше 13. Или 666. Что угодно, но не эта комбинация из зеркальных цифр.

– А в чем проблема?

– Ну так то ни в чем. А есть другой номер? Цифры другие,

я имею в виду.

– К сожалению, номера выбранной вами категории закончились.

– Может, тогда люкс? Свадебный? – неудачная шутка. Девушка смутилась и теперь думает, как выкрутиться из этой ситуации. Она, мягко говоря, неприятная. Теоретически и конфликт может разгореться. А мы уже не в той тухлой гостинице, где женщина поставит своего нерадивого гостя на место. – Ладно, не берите в голову. 169 так 169.

Беру чемодан и направляюсь к лестнице, игнорируя лифт. В здании несколько этажей. Встретить кого-то знакомого в лифте скорее, чем на лестнице с одним пролетом. Резко останавливаюсь

– Это точно 169? не 691? – меня бросает в пот при мысли, что я снова могу перепутать номера.

Девушка что-то ищет у себя в компьютере. Мой голос звучит так громко и испуганно, что она все же решила проверить. Оно и правильно.

– Номера 691 у нас нет.

Делаю глубокий вдох и такой же выдох. И наконец-то поднимаюсь по лестнице к своему номеру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.